

ОЧЕРКЪ ВЗАИМООТНОШЕНІЙ ВООРУЖЕННЫХЪ СИЛЬ ЮГА РОССИИ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ФРАНЦУЗСКАГО КОМАНДОВАНІЯ*).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Добровольческая Армія, непосредственная преемница нѣкогда грозной Русской вооруженной силы, выдержавшей долгую и упорную борьбу съ сильнымъ врагомъ, отвергла всякую мысль о соглашеніи съ прежнимъ противникомъ, оставаясь вѣрной до конца всѣмъ договорамъ съ Союзными Державами.

Въ серединѣ апрѣля 1918 года, послѣ окончанія перваго Кубанскаго похода, когда германцы заняли Ростовъ и другіе пункты Донской области, а Добровольческая Армія сосредоточилась въ районѣ юго-восточнѣе Ростова, вопросъ объ отношеніи къ нѣмцамъ, находившимся въ столь близкомъ сосѣдствѣ, сталъ особенно острымъ. Всѣ попытки германцевъ войти въ переговоры съ Командованіемъ Добровольческой Арміи были категорически отвергнуты, несмотря на то, что этими отказами Армія закрывала себѣ пути къ полученію до нельзя необходимыхъ ей боевыхъ припасовъ.

Позднѣе, высшее германское командованіе въ лицѣ своего представителя при Донскомъ Атаманѣ — Маіора Кохенгаузенъ, тоже неоднократно пыталось завязать сношенія. Не находя отклика со стороны Главнокомандующаго Добровольческой Арміей, Маіоръ Кохенгаузенъ по одному изъ вопросовъ обратился уже съ ультимативнымъ требованіемъ къ Командованію Добровольческой Арміи, которое также было оставлено безъ послѣдствій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ занятіемъ Грузіи и Сочинскаго округа, и съ этой стороны началось давленіе на Добровольческую Армію. Дружественныя отношенія, установившіяся между Добровольческой Арміей и грузинскими частями, боровшимися съ большевиками въ Сочинскомъ округѣ, рѣзко измѣнились. Грузины начали подготавливать оборонительную позицію въ Сочинскомъ округѣ, при чемъ осматривать и руководить работами пріѣзжали германскіе офицеры. Сзади грузинскихъ войскъ появились германскія войска.

Таковы были отношенія Добровольческой Арміи къ врагамъ Россіи и Союзникамъ ко времени побѣды Державъ Согласія.

*) Приводимая ниже сводка документовъ, характеризующихъ взаимоотношенія Добровольческой Арміи и представителей французскаго командованія, является перепечаткой официальной сводки, изданной въ 1919 г. въ Екатеринодарѣ въ ограниченномъ количествѣ нумерованныхъ экземпляровъ. Форматъ этой сводки 22½ × 29 см. Въ ней 43 стр. На обложкѣ и на титульномъ листѣ отпечатанъ слѣдующій текстъ: «Очеркъ взаимоотношеній Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи и Французскаго Командованія. Издано Управленіемъ Генераль-Квартирмейстера Штаба Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Югѣ Россіи. Май 1919 г. г. Екатеринодаръ. Типографія Канц. Главн. Нач. Снабж. Воор. с. на Югѣ Россіи. 1919.» Въ правомъ верхнемъ углу — надпись: «совершенно секретно». Подъ этими словами №. На оборотѣ титульной страницы отпечатано: «Всѣ даты приведены по старому стилю».

10 ноября въ Новороссійскъ прибыла Союзная эскадра, а 14 ноября прїѣхали въ Екатеринодаръ представители Англїи и Франціи.

На официальномъ прїемѣ, въ цѣломъ рядѣ рѣчей, представители Франціи подчеркнули, что всѣ дѣянія, направленные къ созданію Единой Великой Россіи, встрѣчаютъ полное сочувствіе Союзниковъ, признающихъ лишь Единую Россію, единый русскій фронтъ, единое русское командованіе; что всѣ борющіеся открыто или путемъ интригъ противъ этой идеи являются не только врагами Россіи, но и врагами Союзниковъ, что русскимъ Главнокомандующимъ является Генераль Деникинъ и что нынѣ, когда Дарданеллы открыты, Союзники всѣмъ, чѣмъ могутъ, придутъ на помощь братской и союзнической Добровольческой Арміи.

Генераль Щербачевъ, командированный Главнокомандующимъ въ качествѣ представителя Добровольческой Арміи къ Главнокомандующему Союзными арміями въ Румыніи, Трансильваніи и на Югѣ Россіи — Генералу Бертело, въ письмѣ своемъ отъ 3 ноября изъ Бухареста писалъ: «Я посѣтилъ Генерала Бертело въ его Главной Квартирѣ въ Бухарестѣ для предварительныхъ переговоровъ о своемъ проѣздѣ въ Главную Квартиру Генерала Франше д'Эспере и далѣе въ Парижъ, съ цѣлью ускорить прибытіе союзныхъ войскъ и средствъ войны — въ Россію.»

Въ Бухарестѣ мнѣ удалось достигнуть результатовъ, которые значительно превзошли мои предположенія. Путемъ непосредственнаго общенія и обмѣна мнѣній съ Генераломъ Бертело, съ коимъ насъ связывала и прежняя общность идей и дѣйствій, нынѣ удалось придать переговорамъ въ Бухарестѣ форму исчерпывающе-рѣшительную настолько, что временно отпала надобность проѣзда въ Парижъ и къ Генералу Франше д'Эспере.

Генераль Бертело, имѣющій личную идейную сильную поддержку Г. Клемансо, Предсѣдателя Союзныхъ Версальскихъ Совѣщаній, облеченъ полною мощью «Главнокомандующаго арміями Союзниковъ въ Румыніи, Трансильваніи и на Югѣ Россіи» и въ качествѣ такового лица имѣетъ возможность проектировать и осуществлять всѣ вопросы политическіе и военные, касающіеся Юга Россіи и спасенія его отъ анархіи. Мнѣ удалось подвинуть этотъ вопросъ настолько, что нынѣ уже едва ли остается желать въ этомъ отношеніи чего-либо сверхъ предположеннаго на совѣщаніи моемъ съ Генераломъ Бертело.

Рѣшено же нижеслѣдующее:

1. Для оккупации Юга Россіи будетъ двинуто, настолько быстро, насколько только это возможно, 12 дивизій, изъ коихъ одна будетъ въ Одессѣ на этихъ же дняхъ.
2. Дивизіи будутъ французскія и греческія.
3. Я буду состоять, по предложенію Союзниковъ и Генерала Бертело, при послѣднемъ и буду участвовать въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ.
4. База Союзниковъ — Одесса; Севастополь будетъ занятъ также быстро.
5. Союзными войсками Юга Россіи первое время будетъ командовать Генераль д'Ансельмъ съ Главной Квартирой въ Одессѣ, гдѣ буду находиться и я, съ состоящими при мнѣ, Вамъ извѣстными лицами.
6. Генераль Бертело, до времени, со своей Главной Квартирой остается въ Бухарестѣ.
7. По прибытіи союзныхъ войскъ, кромѣ Одессы и Севастополя, которые будутъ несомнѣнно заняты ко времени полученія Вами этого письма, Союзники займутъ быстро Кіевъ и Харьковъ съ Криворожскимъ и Донецкимъ бассейнами, Донъ и Кубань, чтобы дать возможность Добровольческой и Донской арміямъ прочнѣе соорганизоваться и быть свободными для болѣе широкихъ активныхъ операцій.
8. Подъ прикрытіемъ союзной оккупации, необходимо немедленное формированіе русскихъ армій на Югѣ Россіи, во имя возрожденія Великой единой Россіи. Съ этой цѣлью теперь же долженъ быть рѣшенъ и разработанъ вопросъ о способахъ и раіонахъ формированія этихъ армій по мѣрѣ продвиженія Союзниковъ. Только при такомъ условіи будетъ обезпечено скорѣйшее наступленіе всѣхъ русскихъ южныхъ армій подъ единымъ командованіемъ на Москву.

9. Въ Одессу, какъ главную базу Союзниковъ, придеть огромное количество всякаго рода военныхъ средствъ, оружія, боевыхъ огнестрѣльныхъ запасовъ, танковъ, одежды, желѣзнодорожныхъ и дорожныхъ средствъ, авиации, продовольствія и проч.
10. Богатые запасы бывшаго Румынскаго фронта, Бессарабіи и Малороссіи, равно какъ и таковыя Дона, можно отнынѣ считать въ полномъ нашемъ распоряженіи. Для сего осталось сдѣлать лишь небольшія дипломатическія усилія, успѣхъ коихъ обезпеченъ, такъ какъ онъ опирается на всемогущество Союзниковъ.
11. Относительно финансовой поддержки намъ, у Союзниковъ вырабатывается особый, спеціальный планъ».

29 октября Главнокомандующій Союзными силами на Востокъ Генераль Франше д'Эспере, въ письмѣ на имя Генерала Эрдели, представителя Добровольческой Арміи, командированнаго къ нему Главнокомандующимъ, писалъ:

«Г-нъ Генераль. Я былъ особенно счастливъ сегодня Васъ принять и познакомиться, такимъ образомъ, со столь выдающимся представителемъ русской арміи Генерала Деникина.

Будьте увѣрены, что Франція, которая была всегда вѣрна и лояльна Союзникамъ, достойнымъ этого имени, не забудетъ истинно русскихъ и не оставитъ Добровольческую Армію.

Тотчасъ же, какъ это будетъ возможно, я прикажу направить въ Новороссійскъ военное судно и прислать боевые припасы и матеріалы, въ коихъ Вы нуждаетесь и о которыхъ Вы мнѣ говорили.

Я прикажу, кромѣ того, доставить Вамъ, немного погодя, всѣ полезныя указанія по этому поводу, первый очеркъ коихъ Полковники Энгель и Песоцкій передали Генералу Деникину.

Прошу принять, Г-нъ Генераль, увѣреніе, въ моемъ отличномъ уваженіи. Франше д'Эспере».

Такимъ образомъ, все, казалось, указывало на то, что Союзники будутъ всемирно оказывать помощь Добровольческой Арміи.

Съ цѣлью наиболѣе полного ориентированія Союзнаго Командованія, въ срединѣ ноября 1918 года, Штабомъ Главнокомандующаго былъ составленъ подробный докладъ о политическомъ, стратегическомъ положеніи на Югѣ Россіи и объ основномъ планѣ развертыванія русскихъ вооруженныхъ силъ для наступленія вглубь страны.

Въ докладѣ были указаны:

- а) Общая задача армій — разбить совѣтскія войска и овладѣть центромъ Россіи — Москвой, съ одновременнымъ ударомъ на Петроградъ и вдоль праваго берега Волги.
- б) Ближайшія задачи:
 1. Не допустить противника занять Украину и Западныя губерніи и, прикрывъ ихъ на протяженіи прежней демаркаціонной линіи, Совдепіи и Австро-Германцевъ, создать плацдармъ для будущихъ формированій и для наступленія вглубь Россіи, съ цѣлью ликвидаціи большевизма.
 2. Использовать фронтъ, занимаемый Донской и Добровольческой арміями, для наступленія въ Россію и для окончательнаго очищенія отъ большевиковъ Сѣвернаго Кавказа.

Въ виду того, что части Россіи, оккупированныя иѣмцами и лежація къ западу отъ бывшей демаркаціонной линіи, уцѣлѣли отъ разгрома большевиками, онѣ приобрѣли особо важное значеніе, являясь:

1. Плацдармомъ для нашего наступленія внутрь Россіи.
2. Источникомъ комплектованія формируемыхъ здѣсь частей Добровольческой Арміи.
3. Раіономъ, обезпечивающимъ возможность выполненія этихъ формированій и снабженія ихъ.

Для выполненія общей задачи предположено было вести наступленіе по 8-ми операціоннымъ направленіямъ съ фронта Псковъ — Царицынъ на линію Пе-

троградъ — Казань, при чемъ было высказано пожеланіе о необходимости, съ цѣлью обезпеченія развертыванія русскихъ вооруженныхъ силъ, занять строго минимальнымъ количествомъ союзныхъ войскъ раіоны, прикрывавшіе главнѣйшія направленія и важнѣйшіе въ мобилизаціонномъ и политическомъ отношеніяхъ.

Силы эти исчислялись въ 18 пѣхотныхъ и 4 кавалерійскихъ дивизій, при чемъ было указано, что онѣ ни въ какихъ активныхъ дѣйствіяхъ участвовать не будутъ и лишь обезпечать операціи русскихъ армій.

Одновременно былъ представленъ подробный перечень всего необходимаго снабженія для существующихъ (Добровольческая и Донская) и формирующихся армій.

20 ноября, докладъ этотъ, со всѣми приложеніями, былъ посланъ Командующему союзными войсками въ Румыніи, Генералу Бертело, и офицеру для связи съ Французскимъ Командованіемъ, Генеральнаго Штаба Капитану Фуке, для передачи Генералу Франше д'Эспере.

Отвѣта на этотъ докладъ не послѣдовало.

Событія, разыгравшіяся къ этому времени на Югѣ Россіи, въ связи съ очищеніемъ германцами занятыхъ ими областей и началомъ движенія Петлюры, диктовали необходимость приступить къ проведенію намѣченнаго плана въ жизнь, хотя бы только въ своихъ основныхъ чертахъ, — безотлагательно. Поэтому, когда въ серединѣ ноября, вновь образовавшееся Крымское Правительство, въ лицѣ своего Предсѣдателя, обратилось съ просьбой къ Главнокомандующему Добровольческой Арміей, о присылкѣ на Крымскій полуостровъ небольшихъ отрядовъ, достаточныхъ для обезпеченія спокойствія и безопасности въ краѣ, оставляемомъ германцами, по приказанію Главнокомандующаго, Крымъ былъ занятъ Добровольческими войсками.

Въ связи съ эвакуаціей германскихъ войскъ изъ Украины и начавшимися тамъ волненіями, становилось крайне важнымъ оградить отъ большевизма Малороссію, какъ раіонъ, гдѣ въ будущемъ должно было быть произведено развертываніе Добровольческихъ Армій; поэтому, 24 ноября Главнокомандующій телеграфировалъ Генералу Франше д'Эспере: «Чтобы сохранить Югъ Россіи, богатый продовольствіемъ и военными запасами, необходимо какъ можно скорѣе двинуть хотя бы двѣ дивизіи союзныхъ войскъ въ раіонъ Харькова и Екатеринослава», а 1 декабря обратился съ просьбой къ Французскому Командованію объ отдачѣ надлежащихъ распоряженій, для оставленія германскихъ войскъ въ Харьковѣ, съ цѣлью сохраненія порядка.

Въ отвѣтъ на это, офицеръ для связи съ Генераломъ Франше д'Эспере, Генеральнаго Штаба Капитанъ Фуке, вручилъ Главнокомандующему копию телеграммы Генерала Франше д'Эспере, въ которой указывалось, что одна французская дивизія 5 декабря начнетъ высаживаться въ Одессѣ.

Ко времени прибытія французскихъ войскъ, въ Одессѣ обстановка складывалась такъ: весь городъ былъ занятъ «петлюровцами», за исключеніемъ небольшой зоны, прилегавшей къ порту, которая была подъ охраной французскаго флага. Германскія войска, частью перешли къ петлюровцамъ, частью расплылись въ городѣ. Сосредоточившееся въ Одессѣ русское офицерство еще не успѣло приобрести нужной оріентаціи, поэтому, находившійся тамъ Генераль Гришинъ-Алмазовъ принялъ на себя командованіе Добровольческими частями и началъ приводить ихъ въ порядокъ. Полномочный представитель Державъ Согласія въ г. Одессѣ, французскій Консулъ Энно занималъ въ отношеніи украинскаго вопроса позицію опредѣленную и твердую: украинцы всѣхъ направленій признавались имъ элементомъ вреднымъ, для созданія Единой Россіи, а Добровольческая Армія считалась единственнымъ здоровымъ государственнымъ началомъ на Югѣ Россіи.

4 декабря, въ Одессѣ высадился первый эшелонъ французскихъ войскъ, состоявшій изъ четырехъ ротъ 156 дивизіи, подъ командой Генерала Боріуса. Генераль Боріусъ вызвалъ къ себѣ Генерала Гришина-Алмазова и передалъ ему, что онъ намѣренъ завтра вступить со своими войсками въ городъ съ музыкой. На это Генераль Гришинъ-Алмазовъ возразилъ, что въ виду враждебнаго настроенія петлюровцевъ, эта операція невозможна, и что сперва слѣдуетъ очистить городъ отъ петлюровскихъ бандъ. Генераль Боріусъ согласился съ этимъ дово-

домъ и рѣшилъ совмѣстно съ Генераломъ Гришинымъ - Алмазовымъ на слѣдующій день занять весь городъ французскими и Добровольческими войсками.

5 декабря, съ утра, началась операція по овладѣнію городомъ. Петлюровцы встрѣтили Добровольческіе отряды ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ; стоявшіе на рейдѣ французскія военныя суда и транспорты были обстрѣляны изъ города артиллеріей.

Цѣлый день и всю ночь шелъ ожесточенный бой между Добровольцами и петлюровцами, закончившійся полнымъ пораженіемъ послѣднихъ. Наши потери исчислялись въ 24 офицера убитыми и около 100 ранеными.

Такимъ образомъ, выполняя въ точности предложенныя Французскому Командованію условія о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ, Добровольческая Армія грудью своею проложила путь для союзныхъ войскъ, которыя вступили въ Одессу и заняли городъ — безъ потерь.

7 декабря, Г. Шульгинъ, сообщая, что Генераль Боріусъ, съ согласія Генерала Эрдели и его, Шульгина, возложилъ на Генерала Гришина - Алмазова обязанности Военнаго губернатора Одессы, просилъ объ утвержденіи этого назначенія. Главнокомандующій назначеніе утвердилъ.

Генераль Боріусъ получилъ приказаніе отъ своего Высшаго Командованія занять лишь одну Одессу и, несмотря на всѣ увѣренія Генерала Гришина - Алмазова о необходимости немедленнаго выдвигенія впередъ, съ цѣлью занятія важнѣйшихъ тактическихъ пунктовъ, обезпечивающихъ оборону города, и для захвата въ сферу своего вліянія нѣсколько близлежащихъ селеній, питающихъ Одессу, Генераль Боріусъ не только самъ не продвигался впередъ, но категорически запретилъ это дѣлать и Добровольческимъ частямъ. Результатомъ этого было немедленное вздорожаніе жизненныхъ продуктовъ въ Одессѣ и почти полное исчезновеніе ихъ съ рынка.

Такимъ образомъ, съ первыхъ же шаговъ наши Союзники, съ которыми впервые вошли въ соприкосновеніе части Добровольческой Арміи, не только не оказали имъ помощи, но и затормозили необходимое развитіе ихъ боевого успѣха, вызывая тѣмъ самымъ осложненіе въ тылу и справедливое недовольство населенія.

Обо всемъ изложенномъ Генераль Гришинъ - Алмазовъ своевременно доносилъ Главнокомандующему, а 13 декабря вновь поднялъ этотъ вопросъ передъ Французскимъ Командованіемъ, передавая Генералу Боріусу и Консулу Энно памятную записку за № 230, гдѣ указывалъ на необходимость: 1) расширенія занимаемой союзными войсками зоны до линіи Бѣляевка — Сѣвериновка — Антоно - Кодинцово и 2) дальнѣйшаго продвиженія, къ серединѣ января, на линію Тирасполь — Раздѣльная — Николаевъ, къ каковому времени предполагалось закончить формированіе дивизіи военнаго состава Добровольческой Арміи.

Съ пріѣздомъ новаго Командующаго, Генерала д'Ансельма, Генераль Гришинъ - Алмазовъ 1 января вторично подалъ Французскому Командованію памятную записку за № 393, о необходимости расширенія зоны до линіи Тирасполь — Раздѣльная — Березовка — Николаевъ — Херсонъ, указывая, что занятіемъ этой линіи достигается связь съ Бессарабіей и ликвидируется наступившій въ Одессѣ продовольственный кризисъ.

Выполненіе указанной операціи предлагалось произвести наличными силами, занявъ Тирасполь, Раздѣльную и Березовку союзными войсками и возложивъ обезпеченіе Херсоно - Николаевского раіона на 15 германскую ландверную дивизію.

Однако, Французское Командованіе, склоняясь къ предложенію представителей партіи Петлюры, къ «системѣ мирнаго ввода французовъ на украинскую територію», и предпочитая, въ вопросѣ расширенія зоны, дѣйствовать дипломатическимъ путемъ, попрежнему тормозило выполненіе этого мѣропріятія.

Лишь 3 января Генераль Гришинъ - Алмазовъ донесъ Главнокомандующему о полученіи отъ Генерала д'Ансельма отвѣта, въ томъ смыслѣ, что Атаману Грекову предложено очистить зону до линіи Тирасполь — Раздѣльная — Березовка — Николаевъ — Херсонъ, при чемъ было заявлено, что, въ случаѣ неисполненія указаннаго требованія, французы заставятъ петлюровцевъ подчиниться силой.

5 января Главнокомандующій вооруженными силами на Югѣ Россіи телеграфировалъ Генералу Вертело:

«Общее положеніе на Украинѣ съ каждымъ днемъ начинаетъ ухудшаться. Вслѣдъ за выступленіемъ Петлюры, въ разныхъ мѣстахъ Украины начали орга-

низываться шайки грабителей, руководимыя своими главарями. Дѣйствія этихъ шаякъ пока носили чисто мѣстный характеръ, но теперь онѣ начинаютъ объединяться, и ихъ дѣятельность принимаетъ угрожающій характеръ. Петлюровское движеніе выливается постепенно въ форму опредѣленнаго большевизма, въ результатъ чего передъ нами можетъ возникнуть новый большевистскій фронтъ, борьба противъ котораго будетъ уже сложнѣе. Для подавленія этого движенія необходима возможно скорѣйшая присылка союзныхъ войскъ на Украину, что дастъ намъ возможность перейти къ активнымъ дѣйствіямъ и прекратить дальнѣйшее развитіе событій, явно вредныхъ для общаго дѣла и грозящихъ обратитъ въ пустыню богатѣйшій край».

Отвѣта на эту телеграмму не послѣдовало.

Въ то время какъ въ районѣ Одессы, съ такимъ трудомъ, встрѣчая цѣлый рядъ препятствій со стороны Французскаго Командованія, осуществлялись ближайшія задачи Добровольческой Арміи, въ Крыму происходило слѣдующее:

Части Добровольческой Арміи, занявъ въ серединѣ ноября Крымскій полуостровъ, выдвинулись въ районѣ сѣверныхъ уѣздовъ Тавріи, съ цѣлью прикрытія отъ большевиковъ побережій Чернаго и Азовскаго морей, поддержанія связи съ войсками, занимающими Донецкій каменноугольный бассейнъ и образованія плацдарма для дѣйствій вновь формирующихся частей.

28 декабря въ Севастополѣ высадился полкъ французской пѣхоты и былъ оставленъ въ этомъ городѣ.

Къ серединѣ января регулярныя совѣтскія войска выдвинулись на фронтъ Луганскъ — Бахмутъ — Гришино — Гуляй - Поле. Становилась ясной полная вѣроятность ихъ дальнѣйшихъ активныхъ дѣйствій, въ направленіи Крымскаго полуострова, и отсюда — крайняя необходимость: а) срочно использовать призывы сѣверныхъ уѣздовъ Тавріи и занятой части Екатеринославской губерніи; б) немедленно сосредоточить въ сѣверной Тавріи, для усиленія фронта, всѣ части арміи, выведя нѣкоторыя изъ Крыма, гдѣ онѣ занимали гарнизонами главнѣйшіе пункты. Въ Крыму велась усиленная большевистская агитація; настроеніе всюду было крайне неспокойное, и оставить Крымскій полуостровъ — тылъ арміи, безъ войскъ, было невозможно.

Учитывая все это, Главнокомандующій 19 января послалъ телеграмму Генералу Бертело:

«Регулярныя совѣтскія войска сосредоточены на фронтѣ Луганскъ, Бахмутъ, Гришино, Гуляй - Поле и скоро можно ожидать активныхъ дѣйствій со стороны противника. Чтобы дать отпоръ большевикамъ и использовать призывы сѣверныхъ уѣздовъ Тавріи и занятую часть Екатеринославской губерніи, необходимо вывести Добровольческія части изъ Крыма и сосредоточить ихъ на сѣверѣ Тавріи. Для обезпеченія порядка въ Крыму, послѣ ухода Добровольческихъ частей, прошу срочно занять, хотя бы маленькими союзными гарнизонами, Мелитополь, станцію Сивашъ, Перекопъ, Джанкой, Евпаторію, Симферополь, Феодосію и Керчь. О Вашемъ рѣшеніи прошу поставить меня въ извѣстность».

Генераль Бертело 4 февраля отвѣтилъ, что въ данное время, въ виду малочисленности частей, находившихся въ его распоряженіи, онъ не можетъ исполнить эту просьбу, но, съ прибытіемъ подкрѣпленій, обязательно это сдѣлаетъ.

Одновременно Генераль Бертело указалъ, что большимъ тормазомъ въ дѣлѣ переброски войскъ является отсутствіе въ его распоряженіи транспортовъ, и что, сознавая серьезность положенія, онъ отдалъ приказъ пріостановить распоряженіе Генерала Деникина, относительно запрещенія фрахтовки русскихъ пароходовъ, и просилъ передать таковыя ему для перевозки войскъ.

Три русскихъ парохода: «Императоръ Александръ III», «Николай I» и «Петръ Великій» были переданы въ Одессѣ въ распоряженіе Французскаго Командованія.

2 февраля Главнокомандующій въ телеграммѣ Генералу Бертело вновь указалъ на крайнюю желательность скорѣйшаго занятія союзными гарнизонами указанныхъ выше пунктовъ, за исключеніемъ Мелитополя, въ районѣ котораго мобилизація прошла успѣшно.

Просьбы эти до послѣднихъ дней исполнены не были, и лишь 15 марта въ Симферополь прибылъ баталіонъ грековъ.

Такимъ образомъ, значительная часть Крымско - Азовской арміи, вмѣсто того, чтобы принимать участіе въ активныхъ операціяхъ противъ большевиковъ, вынуждена была занимать гарнизонами главнѣйшіе пункты Крыма, гдѣ большевист-

ская пропаганда все время усиливалась, и настроеніе населенія продолжало быть крайне неспокойнымъ.

При такихъ совершенно неожиданныхъ и мало благопріятныхъ условіяхъ, Добровольческая Армія распространяла свое вліяніе на Югъ Россіи по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, стремясь къ выполненію ближайшей задачи, намѣченной основнымъ планомъ.

А между тѣмъ, большевистскія войска, постепенно проникая въ Украину, занимали уже Харьковъ, Кіевъ и продвигались все глубже. Петлюровское движеніе, почти полностью, выливалось въ форму опредѣленнаго большевизма и тяготѣло къ власти совѣтовъ.

И если, вскорѣ же послѣ эвакуаціи германцами Украины и Западнаго Края, всѣ эти громадныя области могли быть свободно, безъ выстрѣла, заняты ничтожнымъ количествомъ побѣдоносныхъ войскъ Державъ Согласія, то съ теченіемъ времени, эта задача осложнялась все болѣе и болѣе.

Долгое отсутствіе на Югѣ Россіи союзныхъ войскъ, начинало расцѣпываться большевиками, какъ побѣда ихъ лозунговъ, какъ начало ихъ вліянія на «всемирную революцію», и тѣмъ самымъ, стремясь привлечь на свою сторону общественное мнѣніе, они становились все смѣлѣе и упорнѣе.

* * *

Неприбытіе ожидаемой помощи отъ союзныхъ войскъ, невыгодно отразилось, прежде всего, на Донскомъ фронтѣ, гдѣ казаки, утомленные двѣнадцатилѣтней непрерывной борьбой, напрягая послѣднія усилія, больше всего ее ожидали. Но когда помощь эта не пришла, сила казаковъ, растлѣваемая большевистской пропагандой, надломилась. Донская армія начала отступать, быстро рѣдѣя въ своемъ составѣ.

Уже 9 декабря, чтобы парализовать начавшуюся большевистскую агитацію на Дону, Главнокомандующій Добровольческой Арміей послалъ Генералу Франше д'Эспере и Генералу Бертело телеграмму: «Всѣ части Добровольческой Арміи находятся въ бояхъ и не могутъ приступить къ правильной организаціи. Поэтому, изъ числа дивизій, которыя были испрошены ранѣе въ посланной Вамъ 20 ноября (3 декабря) за № 03955 запискѣ, а также, чтобы показать казакамъ, что они борются за правое дѣло вмѣстѣ съ Союзниками, прошу прислать по одной пѣхотной дивизіи для Донского и Кубанскаго фронтовъ. Въ случаѣ согласія Вашего, дивизіи эти могутъ быть высажены въ Новороссійскомъ порту».

Отвѣта на эту телеграмму не послѣдовало, но 26 декабря была получена телеграмма, подписанная Генераломъ Бертело и скрѣпленная Французскимъ Консуломъ въ Кіевѣ Г. Энно, адресованная всѣмъ войсковымъ частямъ, всѣмъ учрежденіямъ, газетамъ и всѣмъ жителямъ Юга Россіи.

«Генераль Бертело, Главнокомандующій войсками Согласія въ Румыніи и Южной Россіи, сообщилъ мнѣ, для опубликованія во всѣхъ газетахъ и распространенія въ возможно большемъ числѣ экземпляровъ, нижеслѣдующее: Жители Южной Россіи! Вотъ уже почти два года, какъ ваша богатая страна, раздирается нескончаемыми гражданскими войнами; истинные злоумышленники захватили мѣстами власть, угрожая жизни и имуществу всѣхъ мирныхъ жителей и друзей порядка, создавая, такимъ образомъ, въ вашей странѣ подлинную анархію, ведущую къ полному разоренію. Ваши Союзники, никогда не забывавшіе усилій, которыя вы приложили во имя общаго дѣла, и желающіе вновь увидѣть вашу страну умиротворенной, процвѣтающей и великой, рѣшили, что наши войска высадятся въ Южной Россіи, чтобы дать возможность благонамѣреннымъ жителямъ возстановить порядокъ. Окажите добрый пріемъ войскамъ Союзниковъ. Они приходятъ къ вамъ, какъ друзья. Всѣ Державы Согласія идутъ вамъ навстрѣчу, чтобы снабдить васъ всѣмъ, въ чемъ вы нуждаетесь и чтобы дать вамъ, наконецъ, возможность свободно, а не подъ угрозами злоумышленниковъ, рѣшить, какую форму правленія вы желаете имѣть. Итакъ, войска Союзниковъ направляются къ вамъ для того, чтобы дать вамъ порядокъ, свободу и безопасность. Они покинутъ Россію послѣ того, какъ спокойствіе будетъ возстановлено. Дайте рѣшительный отпоръ дурнымъ совѣтникамъ, имѣющимъ интересъ вызвать смуту въ странѣ, и встрѣчайте Державы Согласія съ довѣріемъ. Генераль Бертело. Съ подлиннымъ вѣрно, Консулъ Франціи въ Кіевѣ, съ особыми полномочіями, Энно».

Это сообщеніе быстро облетѣло всѣ части Донцовъ, но казаки отнеслись къ нему съ подозрѣніемъ, сомнѣваясь въ его подлинности: они уже не вѣрили въ то, что Союзники имъ помогутъ...

4 января, въ виду серьезнаго положенія на Дону и необходимости немедленной моральной поддержки Донской арміи, Главнокомандующій Вооруженными силами на Югѣ Россіи, обратился къ Союзному Командованію, съ просьбой спѣшно перебросить на Донъ бригаду или полкъ съ артиллеріей, такъ какъ иначе положеніе Донской арміи и ея моральное состояніе могутъ стать непоправимыми, что осложнитъ наше и Союзниковъ общее дѣло.

Отвѣта на эту телеграмму не послѣдовало.

15 января, не получивъ отвѣта на всѣ вышеприведенныя телеграммы, Главнокомандующій обратился непосредственно къ Маршалу Фошу, передавая свою телеграмму въ копіи Генераламъ Франше д'Эспере, Бертело и послу Сазонову: «Пока надъ еле живымъ тѣломъ Россіи идутъ споры и дебаты дипломатовъ, рушатся постепенно наши надежды. Въ грозной опасности Донъ, палъ Оренбургъ и Уральскъ, наканунѣ анархіи Малороссія, а Центральная Россія умираетъ. Я обращаюсь къ Вашему солдатскому сердцу. Скажите Союзнымъ Правительствамъ, что время разговоровъ миновало, что мы истекаемъ кровью, что необходима немедленная реальная помощь, которой мы не видимъ. Мы не сложимъ оружія и ни минуты не сомнѣваемся въ конечной побѣдѣ. Но эта побѣда можетъ прійти послѣ гибели русской культуры и послѣ того, какъ волна кровавой анархіи захлестнетъ не только побѣжденныхъ, но и побѣдителей».

На эту телеграмму отвѣта не послѣдовало.

29 января Главнокомандующій вновь телеграфировалъ Генералу Франше д'Эспере: «Цѣлымъ рядомъ телеграммъ я просилъ оказать содѣйствіе союзными войсками на Донскомъ фронтѣ. Значеніе этого фронта въ борьбѣ съ большевиками громаднo, какъ прикрывающаго Донецкій каменноугольный районъ и пути къ богатому Сѣверному Кавказу и портамъ Азовскаго и Чернаго морей. Донскіе казаки въ теченіе года героически сражались и сопротивлялись превосходнымъ силамъ врага, но теперь, усталые, начинаютъ терять вѣру въ поддержку Союзниковъ, такъ какъ помощь дѣйствительно не прибываетъ, а со стороны большевиковъ идетъ пропаганда, что этой помощи и не будетъ. Если Союзнымъ Командованіемъ рѣшено помочь намъ въ борьбѣ съ большевиками, то эту помощь надо дать теперь же, чтобы поднять духъ казаковъ и сохранить Донскую область».

Такъ, въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ, послѣ установленія связи Добровольческой Арміи съ Союзными войсками, протекла борьба Вооруженныхъ силъ Юга Россіи противъ большевиковъ и при такихъ условіяхъ началось выполненіе предложеннаго Союзному Командованію плана для наступленія вглубь страны.

Уже въ февралѣ Главнокомандующій Вооруженными силами на Югѣ Россіи телеграфировалъ Генералу Франше д'Эспере: «Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ Югъ Россіи ждалъ реальной помощи Союзниковъ. Вооруженныя силы Союзниковъ за это время заняли нѣкоторые пункты территоріи Россіи, гдѣ ихъ присутствіе или вовсе не вызывалось русскими интересами, или силы эти могли быть значительно меньше. Въ частности, я нѣсколько разъ просилъ хоть небольшой отрядъ для Дона, гдѣ помощь именно Союзниковъ была психологически необходима. Отказъ въ этомъ привелъ къ разложенію Дона, къ потерѣ имъ почти половины его территоріи, къ возможности потери всей области, что отбрасываетъ всю нашу работу на полгода назадъ. Прошу Васъ ориентировать Ваше Правительство, что эти обстоятельства вызвали полное недоумѣніе и поворотъ русскаго общественнаго мнѣнія не въ пользу Союзниковъ. 2 февраля № 182/II».

Не получивъ на эту телеграмму отвѣта, Главнокомандующій 19 февраля телеграфировалъ Маршалу Фошу и въ копіи Генералу Бертело: «28 января новаго стиля я обращался къ Вашему Превосходительству съ просьбой немедленно помощи. До сихъ поръ таковая прибывала только на второстепенные театры. На главномъ направленіи на Дону мы не получили ни одного солдата. Истощеніе продолжительной двѣнадцатимѣсячной борьбой надломило нравственныя силы Донскихъ казаковъ, они безсильны удержать напоръ врага, занявшаго уже большую часть Донской области и приближающагося къ столицѣ Новочеркаску. Создается крайне тяжелое положеніе и для Добровольческой Арміи, занимающей До-

нецкій бассейнъ. Если мы не будемъ въ состояніи удержать угольный районъ въ своихъ рукахъ, то скоро весь Югъ Россіи и флотъ останутся безъ топлива. Посему, вновь обращаюсь къ Вамъ съ просьбой, ускорить присылку войскъ для Дона. Если помощь запоздаетъ, то скоро мы окажемся въ томъ же положеніи, въ какомъ были годъ тому назадъ, и всѣ героическія усилія, ознаменовавшія эту титаническую борьбу за право и цивилизацію — пропадутъ даромъ. Промедленіе въ подачѣ помощи отразится, прежде всего, на интересахъ союзныхъ войскъ, которымъ придется начинать свои операціи съ расширенія района будущей базы, отвоевывая территоріи отъ большевиковъ, вмѣсто того, чтобы закрѣпить за собою территорію, добытую нами цѣною непримѣрныхъ двѣнадцати - мѣсячныхъ усилій. 19 февраля (4 марта) № 275/II».

Отвѣта не послѣдовало.

Когда обнаружилось наступленіе большевиковъ на Крымскій полуостровъ, и, для болѣе прочнаго удержанія его, Главнокомандующій рѣшилъ перебросить туда часть Добровольческихъ войскъ, расположенныхъ въ Одессѣ, чтобы усилить слабая численно части Крымско - Азовской Арміи, то въ отвѣтъ на отданное распоряженіе Гришинъ - Алмазовъ донесъ: «Херсонъ послѣ боевъ очищенъ Союзниками. Николаевъ эвакуируется ими. Генераль д'Ансельмъ, считая Одессу угрожаемой, заявилъ мнѣ, что Генераль Бертелло приказалъ не выпускать Добровольческую Армію изъ района Одессы. Ожидаю Вашихъ указаній».

1 марта Главнокомандующій телеграфировалъ Генералу Бертелло: «Въ ноябрѣ прошлаго года, моимъ штабомъ была составлена записка, съ планомъ формировація, стратегическаго развертыванія и дальнѣйшаго наступленія войскъ Юга Россіи. Записка была послана Вамъ и Генералу Франше д'Эспере. Планъ, изложенный въ запискѣ, былъ рассчитанъ на помощь союзныхъ войскъ. Просимая помощь осуществлена не была, и мнѣ не были сообщены и какія либо предположенія Французскаго Командованія, почему я вынужденъ былъ начать операціи, рассчитывая только на свои силы. Къ сожалѣнію, здѣсь я встрѣтилъ затрудненія со стороны Генерала д'Ансельма. Въ виду создавшагося труднаго положенія въ сѣверной Тавріи и въ Крыму и считая районъ Одессы достаточно обезпеченнымъ имѣющимся тамъ союзными войсками, я отдалъ распоряженіе о спѣшной переброскѣ моремъ въ Крымъ части войскъ Добровольческой Арміи изъ Одессы. На это приказаніе Генераль Гришинъ - Алмазовъ мнѣ донесъ объ оставленіи союзными войсками Херсона и Николаева, и что Генераль д'Ансельмъ, считая Одессу угрожаемой, заявилъ, что Вы приказали не выпускать частей Добровольческой Арміи изъ Одессы. Настаивая на выполненіи моего приказа, прошу Вашего распоряженія о разъясненіи недоразумѣній, тормозящихъ переброску войскъ и мѣшающихъ выполненію намѣченныхъ мною операцій».

Генераль Бертелло на эту телеграмму не отвѣтилъ.

Таковы были отношенія Французскаго Главнаго Командованія къ операціямъ русскихъ Вооруженныхъ силъ на Югѣ Россіи. Въ результатѣ не только не была оказана помощь для осуществленія намѣченнаго Главнокомандующимъ и предложеннаго Союзному Командованію плана борьбы съ большевиками, но во многихъ случаяхъ проведеніе этого плана въ жизнь встрѣчало препятствія.

* * *

Относясь такъ къ операціямъ Вооруженныхъ силъ Юга Россіи, Французское Командованіе на мѣстахъ пыталось разрѣшить рядъ принципиальныхъ вопросовъ, касающихся организаціи и системы комплектованія русскихъ вооруженныхъ силъ.

Рѣшеніе этихъ вопросовъ, затрагивающихъ условія русской жизни, представителями Иностранныхъ Державъ помимо Главнокомандующаго, влекло за собой разрушеніе единой власти и самой Добровольческой Арміи.

Французское Командованіе въ Одессѣ упорно противилось объявленію въ Одесскомъ районѣ мобилизаціи. Мотивомъ этого, повидимому, была боязнь безпорядковъ, которые, яко - бы, должны были возникнуть изъ за непопулярности, какъ казалось Союзникамъ, Добровольческой Арміи въ населеніи. Несомнѣнно, что впечатлѣніе это создано подъ большимъ вліяніемъ партіи петлюровцевъ, преслѣдовавшей свои опредѣленные цѣли.

Основываясь на такихъ соображеніяхъ, но въ то же время признавая необходимость увеличенія количества вооруженныхъ силъ для борьбы съ большевиками, французы, въ день пріѣзда въ Одессу Генерала Бертело, подняли вопросъ о формированіи смѣшанныхъ бригадъ (бригадъ - микстъ) на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Офицерскій составъ этихъ бригадъ назначается властью Добровольческой Арміи, но комплектуется только изъ уроженцевъ Украины.

2. Солдаты пополняются путемъ добровольнаго найма съ жалованіемъ 200—250 руб. въ мѣсяцъ при казенномъ довольствіи.

3. Въ каждый полкъ, въ качествѣ инструкторовъ, придается небольшое количество французскихъ офицеровъ и унтеръ - офицеровъ.

4. Въ командномъ отношеніи эти части Добровольческой Арміи не подчиняются.

5. Форма одежды примѣнительно къ французской — безъ погонъ.

Такъ какъ въ такомъ видѣ эта мѣра пріобрѣтала характеръ формированія какой - то другой, не Добровольческой и не Русской арміи, то Главнокомандующій 8 февраля телеграфировалъ Командующему войсками Юго - Западнаго края Генералу Санникову: «Категорически воспрещаю Вамъ дѣлать эксперименты съ русскими войсками по чужой указкѣ. Передайте, что я, Главнокомандующій, не допущу ничьего вмѣшательства въ вопросы формированія русской арміи. Еслибы кто либо позволилъ себѣ сдѣлать это, объявите, что исполнившій незаконное распоряженіе будетъ преданъ суду».

Позже, Главнокомандующій писалъ Генералу Бертело: «Идея формированія бригадъ изъ русскихъ людей съ иностранными офицерами и подчиненныхъ исключительно Французскому Командованію, не можетъ быть популярна, такъ какъ она идетъ въ разрѣзъ съ идеей возсозданія Русской Арміи, во имя чего борется лучшее офицерство и наиболѣе здоровые элементы страны.

Возможно лишь оперативное подчиненіе Французскому Командованію русскихъ формированій, возникающихъ или имѣющихся въ мѣстахъ преобладающаго развертыванія союзныхъ войскъ, въ случаѣ если создавшаяся боевая обстановка того требуетъ.

Опасеніе шовинизма со стороны Русскаго Командованія по отношенію къ населенію Украины и намѣренія укомплектовать формируемыя части мѣстными украинскими уроженцами лишній разъ подчеркиваетъ насколько недостаточно Французское Командованіе въ Одессѣ ориентировано въ обстановкѣ. Русское офицерство, ясно отдавая себѣ отчетъ въ происходящемъ, не можетъ иначе относиться къ населенію Украины, чѣмъ ко всему Русскому народу, съ которымъ она составляетъ одно цѣлое. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нѣкоторыхъ самостоятельныхъ кругахъ, находящихъ поддержку въ многочисленныхъ австрійскихъ и германскихъ агентахъ, естественно стремленіе созданія особыхъ украинскихъ войскъ и, какъ ни странно, этотъ планъ, противный идеѣ возсозданія Единой могущественной Россіи, что казалось бы наиболѣе соответствуетъ интересамъ Французскаго народа, находитъ сочувствіе и поддержку у Французскаго Командованія.

Отказъ въ Юго - Западномъ районѣ отъ принудительной мобилизаціи разрушить совершенно созданную съ такимъ трудомъ Добровольческую Армію, уже перешедшую къ принципу обязательной воинской повинности. Изъ областей, въ коихъ формируются части путемъ призыва, лица, желающія уклониться отъ службы, начнутъ уходить въ мѣста, гдѣ отъ этого принципа отказались.

Разовьется дезертирство и начнется развалъ частей, ибо на смежныхъ русскихъ территоріяхъ не можетъ быть двухъ различныхъ рѣшеній по одному и тому же вопросу. Практика же показываетъ, что при успѣхѣ и силѣ на нашей сторонѣ, мобилизація вездѣ проходитъ успѣшно».

Не меньшія затрудненія для Добровольческой Арміи вызвало отношеніе Французскаго Командованія въ Крыму къ вопросу о введеніи военнаго положенія.

Въ портовыхъ городахъ Крыма, въ особенности въ Севастополѣ, мѣстные большевики, видя, что Краевое Правительство и Союзное Командованіе не принимаютъ противъ нихъ репрессивныхъ мѣръ, начали постепенно поднимать голову и открыто агитировать за совѣтскую власть, выводъ Добровольческой Арміи изъ Крыма и т. д.

Дабы въ корнѣ пресѣчь подобное безобразіе, Главнокомандующій призналъ желательнымъ ввести въ Крыму военное положеніе, предварительно запросивъ по

этому вопросу Командующаго Крымско - Азовской Арміей. На это послѣдній донесъ, что Французское Командованіе, считаясь главнымъ образомъ съ мѣстнымъ правительствомъ, указываетъ, что Добровольческая Армія находится въ Крыму исключительно для поддержанія порядка и спокойствія и что оно противъ введенія военнаго положенія, считая однако вполне возможнымъ, чтобы Министру Внутреннихъ Дѣлъ были предоставлены чрезвычайныя полномочія по принятію различныхъ мѣръ, равносильныхъ введенію военнаго положенія.

Такъ Французское Командованіе, съ трудомъ ориентируясь въ создавшейся сложной обстановкѣ на Югѣ Россіи, но пытаясь идти самостоятельнымъ путемъ, не считалось съ предложеніями Главнаго Командованія Вооруженныхъ силъ на Югѣ Россіи и, гипнотизируемое различными узко партійными заявленіями, тормозило организационныя мѣропріятія русскихъ вооруженныхъ силъ, энергичное и быстрое проведеніе которыхъ въ жизнь являлось крайне необходимымъ, какъ обезпечивающее возможность дальнѣйшаго выполненія основнаго плана.

Еще менѣе понятнымъ было отношеніе Французскаго Командованія къ вопросу матеріальнаго снабженія Добровольческой Арміи тѣми запасами, которые послѣ демобилизаціи Русской арміи, оказались сосредоточенными въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Какъ прямая преемница Русской арміи, Добровольческая Армія несомнѣнно имѣла на нихъ всѣ права, не говоря уже о томъ, что нужда въ предметахъ снабженія всякаго рода, особенно въ снарядахъ и патронахъ, была большая. Отношеніе это становится тѣмъ болѣе досаднымъ, что послѣ отступленія союзныхъ войскъ изъ раіона Одессы, всѣ огромные матеріальные запасы, не будучи использованы, достались большевикамъ.

Наиболѣе крупные склады военнаго имущества, собранные при демобилизаціи Русской арміи находились въ Тирасполѣ, Николаевѣ и на островѣ Березань — близъ Очакова. На первую просьбу Генерала Санникова оказать содѣйствіе вывозу имущества изъ Тирасполя, Французское Командованіе письменно уведомило его, что Тирасполь не находится въ зонѣ Добровольческой Арміи и что имущество впослѣдствіи будетъ правильно распределено. Такая постановка вопроса вызывала недоумѣніе, такъ какъ это имущество, какъ уже указывалось, цѣликомъ составляло собственность Русской арміи и о какомъ бы то ни было распределеніи его, казалось бы, не должно было быть и рѣчи.

Когда съ подобной же просьбой Генераль Санниковъ обратился къ Французскому Командованію въ отношеніи Николаева, то въ отвѣтъ послѣдовало извѣщеніе, что имущество это, какъ не находящееся въ зонѣ Добровольческой Арміи, принадлежитъ Директоріи.

Такой отвѣтъ былъ полученъ за недѣлю до эвакуаціи Союзниками Николаева и все цѣнное и многочисленное имущество складовъ попало въ руки большевиковъ. Впослѣдствіи, при отступленіи изъ раіона Одессы, попали въ руки большевиковъ и склады на островѣ Березани.

Ко всему изложенному надо добавить, что въ Одессѣ Союзники захватили въ свои руки оставшіеся тамъ германскіе авіаціонные ангары, о передачѣ которыхъ въ Добровольческую Армію было уже условлено съ германскимъ командованіемъ.

Точно также Французское Командованіе поступило и съ остатками Русскаго военнаго флота. Прибывъ въ Севастополь, французскій Адмиралъ Леже заявилъ, что ни одинъ способный плавать корабль Черноморскаго флота, даже самый незначительный, не будетъ переданъ русскимъ, пока въ Россіи не установится окончательный порядокъ, такъ какъ нѣтъ увѣренности въ томъ, что суда эти не попадутъ въ руки большевиковъ и не нанесутъ вреда сообщеніямъ Союзниковъ.

Въ серединѣ декабря всѣ годныя суда Черноморскаго флота были уведены Союзниками въ Константинополь.

Такъ, въ стремленіи обезпечить свои морскія сообщенія, Французское Командованіе неизбѣжно наносило ущербъ Добровольческой Арміи, потому что впослѣдствіи, когда этой Арміи пришлось защищать Крымскій полуостровъ, отсутствіе военныхъ судовъ, могущихъ содѣйствовать этой защитѣ ощущалось въ сильной мѣрѣ.

Кромѣ того, когда подъ натискомъ превосходныхъ силъ противника слабѣя части Добровольческой Арміи начали очищеніе большей части Крыма, Француз-

ское Командованіе не допустило разрушить желѣзнодорожную линію Симферополь - Севастополь и оставило неповрежденнымъ весь подвижной составъ, который въ большомъ количествѣ и достался большевикамъ.

При всемъ этомъ, французы, раздѣливъ сферы вліянія и снабженія между собой и англичанами, за всѣ эти четыре мѣсяца не только не доставили Русской арміи на одного пуда груза, но даже заставили Русское Командованіе снабжать изъ Новороссійска части Добровольческой Арміи, находившіяся въ Одессѣ и въ оперативномъ отношеніи бывшія въ подчиненіи Французскаго Командованія.

* * *

Политика французовъ на Югѣ Россіи и отношеніе ихъ къ вопросамъ русской государственности поражали своей запутанностью и неправильнымъ пониманіемъ обстановки.

Выше было указано, что всѣ представители Французскаго Главнаго Командованія подтвердили стремленіе Франціи возстановить Единую и Недѣлимую Россію, но ихъ ближайшія мѣропріятія сплошь и рядомъ расходились съ этой основной идеей, влекли за собой непоправимыя ошибки и волновали русское общество, тревожно задававшее себѣ вопросъ: — «съ чѣмъ пришли къ намъ Союзники, на помощь ли истекающей кровью Россіи или съ цѣлью оккупации со всѣми проистекающими изъ нея тягчайшими для насъ послѣдствіями».

Представитель Французскаго Командованія въ Екатеринодарѣ Капитанъ Фуке вель довольно своеобразную политику въ отношеніи Дона, политику обѣщаній и намековъ. Сначала вопросъ о присылкѣ союзныхъ войскъ въ Донскую область онъ ставилъ въ зависимость отъ признанія Донскимъ Атаманомъ единого командованія въ лицѣ Главнокомандующаго Добровольческой Арміей. Единое командованіе было окончательно признано Донскимъ Атаманомъ 26 декабря и тогда же объ этомъ былъ поставленъ въ извѣстность Генераль Бертелло. Между тѣмъ 27 января, то - есть ровно черезъ мѣсяцъ, Капитанъ Фуке, по какимъ то причинамъ, предложилъ въ письменной формѣ Донскому Атаману подтвердить достигнутое соглашеніе и признать въ лицѣ Генерала Франше д'Эспере «высшее командованіе и власть по вопросамъ военнымъ, политическимъ и общаго характера». Тогда же Капитанъ Фуке обуславливалъ присылку союзныхъ войскъ на Донъ согласіемъ Донского Атамана на удовлетвореніе изъ Донской Казны лицъ и общества французскихъ и союзныхъ подданныхъ Донецкаго бассейна, какъ на территоріи въ предѣлахъ Донского войска, такъ и въ сосѣднихъ районахъ, за погибшія человѣческія жизни и за всѣ понесенные убытки, происшедшіе отъ занятія района большевиками. При чемъ, все это было подтверждено слѣдующей телеграммой 28 января № 717 на имя Донского Атамана «... Исполненіе военной программы начнется не ранѣе того, какъ я буду имѣть документы въ рукахъ. Капитанъ Фуке».

Это заявленіе, облеченное въ столь категорическую форму, было предъявлено Атаману въ ту минуту, когда на Донскомъ фронтѣ создавалось чрезвычайно тяжелое положеніе: половина области была уже въ рукахъ большевиковъ, а Донскіе казаки, истомленные боями и постепенно терявшіе надежду на помощь Союзниковъ, продолжали отступать.

Всѣ эти документы, которые Капитаномъ Фуке были составлены заблаговременно, Генераль Красновъ подписать отказался и, оставивъ ихъ у себя, увѣдомилъ объ этомъ Главнокомандующаго, который всецѣло раздѣлилъ точку зрѣнія Донского Атамана.

Въ Крыму, вскорѣ послѣ высадки французскихъ войскъ въ Севастополь, представители Французскаго Командованія, повидимому, не будучи вполне ориентированы, что Крымское Правительство является лишь мѣстнымъ, областнымъ, не имѣющимъ общегосударственнаго значенія, сплошь и рядомъ обсуждало съ членами указаннаго правительства вопросы чисто военные.

Начальникъ Штаба Главнокомандующаго, въ сношеніи отъ 19 декабря на имя Генеральнаго Штаба Капитана Фуке, поставилъ объ этомъ послѣдняго въ извѣстность, дабы онъ оповѣстилъ представителей Союзниковъ въ Крыму и далъ имъ возможность вполне правильно ориентироваться въ современномъ политическомъ положеніи Крыма.

Въ Одессѣ, до начала 1919 года, политика Французскаго Командованія не оставляла желать лучшаго.

Позиція, зайнята повномочнимъ Представителемъ Державъ Согласія на Югѣ Россіи Французскимъ Консуломъ Энно, хорошо знакомымъ съ Россіей, вѣрно оцѣнивавшимъ украинское движеніе какъ наносное, субсидированное австрійскими и германскими деньгами, отличалась твердымъ стремленіемъ проводить чисто русскую національную политику и вести борьбу съ украинскимъ вліяніемъ. Отношенія его къ Добровольческой Арміи были самыми благожелательными, въ ея лицѣ онъ признавалъ единственное здоровое начало на Югѣ Россіи.

Генераль Боріусъ и его штабъ совершенно не вмѣшивались во внутреннюю жизнь Одесскаго раіона и въ гражданское управленіе города.

Съ пріѣздомъ въ Одессу Генерала д'Ансельма и его Начальника Штаба Полковника Фрейденберга, Консулъ Энно былъ устраненъ отъ должности и политика французовъ рѣзко измѣнилась.

Душою новаго политическаго курса сталъ Полковникъ Фрейденбергъ, дѣятельность котораго поразительно совпадала съ работой нѣмецкихъ и большевистскихъ агентовъ.

Высадивъ въ Одессѣ сравнительно небольшое количество войскъ, Французское Командованіе не считало ихъ положеніе достаточно прочнымъ и потому стремилось усилить обороноспособность Одесской зоны путемъ использованія мѣстныхъ силъ. Несмотря на то, что вопросъ этотъ, казалось бы, наиболѣе естественно разрѣшался совмѣстной работой съ Добровольческой Арміей, особенно въ случаѣ оказанія послѣдней энергичной помощи въ дѣлѣ формировація и организаціи, Французское Командованіе, плѣхо освѣдомленное и недостаточно понимающее сущность украинскаго движенія, стало на путь переговоровъ съ Директоріей, не имѣвшей ни силы, ни власти, ни даже, подъ конецъ, территоріи, въ надеждѣ при посредствѣ ея осуществить желаему цѣль.

Однако, Одесса являлась городомъ, который за все время украинскаго движенія былъ къ нему наиболѣе оппозиціонно настроенъ, поэтому Французское Командованіе, вступая въ тѣсное общеніе съ Директоріей, сразу же отшатнуло отъ себя наиболѣе здоровые элементы населенія.

Убѣжденнымъ сторонникомъ этой политики былъ Полковникъ Фрейденбергъ, сильно вліявшій на Главное Французское Командованіе и отрицавшій главенствующую роль Вооруженныхъ силъ Юга Россіи, которыя въ его глазахъ казались непопулярными среди населенія и не разсматривались имъ, какъ имѣющія право преемства во всѣхъ отношеніяхъ отъ старой Русской арміи.

Несомнѣнно, что Французское Командованіе въ Одессѣ отрицало и право Вооруженныхъ силъ Юга Россіи на объединеніе занятой территоріи въ гражданскомъ управленіи, и своей политикой разбивало только что создавшееся съ такимъ трудомъ объединеніе власти въ лицѣ Главнокомандующаго Вооруженными силами.

Такая политика французовъ проводилась въ Одессѣ и Крыму тогда, когда въ Екатеринодарѣ, въ Ставкѣ Главнокомандующаго, Представители Франціи и Англіи, сознавая необходимость концентраціи всѣхъ силъ для борьбы съ большевиками и видя въ этомъ одинъ изъ главныхъ залоговъ успѣха, напрягали всѣ усилія, чтобы содѣйствовать Вооруженнымъ силамъ Юга Россіи въ достиженіи этого объединенія возможно быстрѣе и въ наиболѣе полной мѣрѣ. Получалось необъяснимое и загадочное противорѣчіе между заявленіями и работой Представителей Франціи, находившихся въ Екатеринодарѣ, и отношеніемъ къ Вооруженнымъ силамъ Главнаго Союзнаго Командованія, противорѣчіе, которое явилось несомнѣнной и главной причиной потери Николаева, Херсона, Березовки и которое, въ концѣ концовъ, закончилось катастрофой въ Одессѣ и Крыму.

Полковникъ Фрейденбергъ и все Французское Командованіе рассчитывали опереться на Украинскую Директорію. Однако, именно украинцы менѣе всего были жизненны и, конечно, не могли служить опорой въ рѣшеніи вопросовъ большого государственнаго масштаба. Несомнѣнно должно было настать время, когда эта убогая опора должна была надломиться и вся постройка рухнуть.

Это тѣмъ болѣе должно было быть яснымъ, что всѣ болѣе или менѣе значительныя политическія партіи въ Одессѣ, въ большинствѣ, сознавали беспочвенность петлюровцевъ и бесплодность политики Фрейденберга, поэтому, если послѣдняго и поддерживали единичныя лица, то они менѣе всего были заинтересованы въ благѣ Россіи, а преслѣдовали свои эгоистическія цѣли, часто близкія къ авантюризму. Къ сожалѣнію, Полковникъ Фрейденбергъ сознательно велъ политику разрушенія и, когда его ставленникъ Андро, личность весьма сомнительная,

сдѣлался главою новаго правительства въ Одессѣ, онъ оказался одинъ — ни одна политическая партія его не поддержала, а Генераль д'Ансельмъ, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, оказался безсилнымъ провести въ жизнь намѣченные планы и реформы, касающіяся, главнымъ образомъ, формировація новой арміи.

Уже съ первыхъ дней пребыванія въ Одессѣ Генерала д'Ансельма, Французское Командованіе начало постепенно заирать въ свои руки гражданское управленіе района. Началомъ этого послужило запрещеніе ввести русскую администрацію въ расширенной Одесской зонѣ и оставленіе въ ней управленія Директоріи. Результаты не замедлили сказаться. Такъ, въ Николаевѣ началась полная анархія, потому что власть одновременно принадлежала демократической полубольшевицкой думѣ, комиссару Украинской Директоріи, Совѣту рабочихъ депутатовъ, Совѣту депутатовъ германскаго гарнизона и наконецъ Французскому коменданту. Очевидно, что при подобной обстановкѣ и во всемъ Одесскомъ районѣ, трудно было рассчитывать на возможность проведенія въ жизнь какихъ-бы то ни было мѣропріятій, связанныхъ съ вопросами обороны. Указанія на это Русскаго Командованія — успѣха не имѣли.

Постепенно обстановка усложнялась и потребовала пріѣзда въ Одессу Генерала Бертело. Къ этому времени Командующимъ войсками Юго-Западнаго края былъ назначенъ Генераль Санниковъ. 2 февраля 1919 года Генераль Бертело назначилъ Генерала д'Ансельма Командующимъ Союзными войсками въ Южной Россіи. На Генерала д'Ансельма возлагалось руководство всѣми вопросами военной политики и администраціи. Генерала Санникова въ дѣлахъ политическихъ и административныхъ Французское Командованіе подчиняло Генералу д'Ансельму, который, однако, не имѣлъ права вмѣшиваться въ подробности предпринимаемыхъ мѣръ, а долженъ былъ всецѣло согласовать ихъ съ вопросами военного характера.

Генераль Санниковъ признавался Командующимъ Русскими войсками, но поскольку дѣло касалось примѣненія этихъ войскъ, Генераль Санниковъ былъ всецѣло подчиненъ Генералу д'Ансельму.

Въ связи съ введеніемъ этой новой системы подчиненности въ Одесскомъ округѣ, Главнокомандующій телеграфировалъ Генералу Санникову:

«1. Во всѣхъ отношеніяхъ: военномъ, политическомъ, гражданскомъ Вы подчинены мнѣ и только отъ меня можете получать приказанія. 2. Предлагаю Вамъ всемѣрно координировать свои дѣйствія съ Французскимъ Командованіемъ. 3. Въ виду численнаго преобладанія союзническихъ войскъ, русскія части Одесскаго района только въ оперативномъ отношеніи подчиняются Французскому Командованію. 4. Детально взаимоотношенія наши будутъ установлены при свиданіи моемъ съ Генераломъ Бертело, который сдѣлалъ это предложеніе. 8 февраля № 219 Деникинъ».

Вскорѣ послѣ полученія донесенія изъ Одессы о неразрѣшеніи организаціи гражданской власти на мѣстахъ, Главнокомандующій писалъ Генералу Бертело: «Несогласованныя дѣйствія въ области гражданскаго управленія приведутъ къ нежелательнымъ результатамъ. Гражданская власть должна быть въ рукахъ лица назначеннаго мною, которое дастъ всѣ гарантіи нормальной жизни Союзнымъ войскамъ и будетъ координировать свои дѣйствія съ Союзнымъ Командованіемъ. Вынужденный къ сожалѣнію отложить мое личное съ Вами свиданіе, считаю необходимымъ предупредить Ваше Превосходительство о тѣхъ непоправимыхъ и грозныхъ послѣдствіяхъ, которыя повлекутъ за собой мѣропріятія, намѣченные Французскимъ Командованіемъ, и надѣюсь, что они не получатъ осуществленія до выясненія всего вопроса при личномъ нашемъ свиданіи».

* * *

Уже въ концѣ февраля 1919 года начали сказываться плоды своеобразной политики французовъ. Союзная войска понесла пораженіе подъ Херсономъ.

Къ этому времени гарнизонъ Херсона состоялъ изъ 1 баталіона грековъ и роты французовъ при двухъ горныхъ орудіяхъ. Изъ этихъ войскъ одна рота грековъ занимала станцію, отдѣленную отъ города двухверстнымъ открытымъ полемъ. Большевики повели наступленіе на станцію съ фронта и праваго фланга со стороны Б. Снѣгиревки. Греки, утомленные бессонницей и томимые жаждой, долго держались, но обойденные справа, подъ мѣткимъ артиллерійскимъ огнемъ противника устоять не могли, и, чувствуя недостатокъ въ патронахъ, начали от-

ходить къ городу. Видя успѣхъ совѣтскихъ войскъ, мѣстное населеніе, большею частью рабочіе, выступили съ оружіемъ въ рукахъ. Прибывшая на поддержку Херсона рота 176 французскаго полка сперва не хотѣла высадиться, а потомъ, вступивъ въ городъ, отказалась итти въ бой и только послѣ угрозы командира и мѣткихъ разрывовъ непріятельскихъ снарядовъ двинулась впередъ. Съ крейсера былъ открытъ огонь по предмѣстьямъ, въ которыхъ начался пожаръ.

Союзному Командованію стало ясно, что при такомъ положеніи наличными силами удержать городъ не удастся и войскамъ было приказано отходить къ кораблямъ для посадки.

Большевики, видя это, старались отрѣзать Союзниковъ отъ рѣки. Положеніе ихъ было спасено ротой грековъ, успѣвшей высадиться съ подошедшаго изъ Одессы транспорта. Тогда большевики открыли ураганный огонь по всей площади передъ судами и Союзникамъ приходилось подъ этимъ огнемъ грузиться.

Утромъ 25 февраля (10 марта) послѣднее судно подъ огнемъ отошло въ Одессу.

Неудача эта произвела тягостное впечатлѣніе на французовъ. Въ этомъ бою Союзники потеряли около 400 человекъ, изъ нихъ 14 офицеровъ.

Потерпѣвъ неудачу подъ Херсономъ, Союзники по совершенно непонятнымъ причинамъ рѣшили эвакуировать и Николаевъ, и вывезли оттуда всѣ свои войска на судахъ непосредственно въ Одессу, отдавъ безъ всякаго сопротивленія весь богатѣйшій районъ Херсонской губ. между Днѣпровскимъ и Телигульскимъ лиманами. Въ этотъ районъ входила крѣпость Очаковъ и островъ Березань, на которомъ находился громадный складъ артиллерійскихъ снарядовъ. Лишь энергичнымъ выдвигеніемъ Добровольческихъ частей въ сторону Херсона удалось временно закрѣпить за собой Очаковъ и сохранить Березань.

Положеніе въ Одессѣ становилось все болѣе тревожнымъ, но Французское Командованіе, не сознавая своихъ ошибокъ, продолжало проводить въ жизнь свою политику сепаратизма въ отношеніи Вооруженныхъ силъ Юга Россіи.

5 марта Начальникъ Французской Военной Миссіи въ Екатеринодарѣ Полковникъ Корбель сообщилъ Главнокомандующему: «Телеграммой переданной Севастопольской радіо-телеграфной станціей 17/3-19, Генераль д'Ансельмъ поручаетъ мнѣ увѣдомить Васъ, что въ виду серьезности положенія и трудности сношеній съ Вами, онъ долженъ былъ объявить осадное положеніе и принять командованіе, назначивъ себѣ помощникомъ по гражданской части Его Превосходительство г. Андро Ланжерона. Онъ проситъ меня Васъ увѣдомить, что это, разумѣется, лишь временныя мѣропріятія. Примите, Генераль, увѣренія моего глубокаго почтенія и преданности. Начальникъ Французской Военной Миссіи Полковникъ Корбель».

Такимъ образомъ совершился «переворотъ» и Французское Командованіе, вдохновляемое Полковникомъ Фрейденбергомъ, окончательно вышло на самостоятельный путь рѣшенія задачъ борьбы съ большевиками, оккупируя Одесскій районъ. Несомнѣнно, что «переворотъ» этотъ подготовлялся уже давно и исходилъ, повидимому, изъ стремленія французовъ достигъ единства командованія и созданія энергичной и всецѣло подчиненной военному командованію гражданской власти. Къ представителямъ Вооруженныхъ силъ Юга Россіи въ этомъ отношеніи они относились критически.

Желая подчеркнуть настоятельную необходимость этого «переворота» и естественность его происхожденія, Французское Командованіе, и въ частности Полковникъ Фрейденбергъ, искусно воспользовалось интригами мѣстныхъ политическихъ партій и нѣкоторыхъ общественныхъ круговъ. Въ этомъ отношеніи въ лицѣ Г. Андро Полковникъ Фрейденбергъ нашелъ себѣ подходящаго помощника.

Крайнія правыя и лѣвыя политическія партіи Одессы не вполне доброжелательно относились къ Добровольческой Арміи. Первые (хлѣборобы) мечтали о возвращеніи своихъ земель, а вторыя (соціалисты) находили Добровольческую Армію реакціонной.

Настроеніе этихъ партій и должно было явиться главнымъ козыремъ въ рукахъ Фрейденберга и Андро, которые, стремясь использовать ихъ интриги противъ Добровольческой Арміи, мечтали объ образованіи «кабинета» коалиціоннаго характера, долженствующаго, какъ имъ казалось, удовлетворить широкіе русскіе общественные круги.

Однако, какъ уже говорилось, когда Андро вступилъ въ фактическое исполненіе своихъ обязанностей Помощника Генерала д'Ансельма по гражданскимъ дѣ-

ламъ, его не поддержалъ никто. Сразу же обнаружилось, насколько широкіе общественные круги были чужды его политики, а крайнія правыя и лѣвыя партіи, тоже вышедшія изъ «кабинета», не усматривали въ ней залога своего будущаго благополучія.

Получивъ донесеніе о введеніи осаднаго положенія, Главнокомандующій 5 марта телеграфировалъ Генералу Бертело: «Сообщаю Вамъ для свѣдѣнія телеграмму, посланную мною Генералу Санникову по поводу полученной мною депеши Генерала д'Ансельма: «Одесса Генералу Санникову Передайте Генералу д'Ансельмъ слѣдующее: я совершенно не допускаю установленія никакой гражданской власти, кромѣ назначенной мною. Поэтому приказываю: 1. Ни въ какія сношенія съ Андро не вступать, никакихъ распоряженій его не выполнять ни Вамъ, ни гражданскимъ властямъ. Какого бы то ни было участія въ управленіи краемъ Андро, какъ лица незаслужившаго довѣрія, не допускаю. 2. Вамъ, сохраняя полную гражданскую власть, надлежитъ всемѣрно согласовать свои дѣйствія съ Французскимъ Командованіемъ въ интересахъ соблюденія порядка и обезпеченія союзныхъ армій. 3. Въ интересахъ борьбы съ большевиками Вы, какъ Командующій войсками, исполняете оперативныя указанія Французскаго Командованія, но помимо Васъ ни одно распоряженіе не можетъ быть отдано русскимъ войскамъ. 4. Въ случаѣ полного перерыва связи предоставляю Вамъ принятіе чрезвычайныхъ мѣръ отъ моего имени съ соблюденіемъ достоинства Россіи, интересовъ Добровольческихъ Армій и края. 5. По поводу дѣйствій Генерала д'Ансельма дѣлается сношеніе съ Французскимъ Правительствомъ».

Если Генералъ д'Ансельмъ и Полковникъ Фрейденбергъ вели свою кампанію противъ Добровольческой Арміи, все же ошупью и осторожно, то пріѣхавшій въ Одессу Генералъ Франше д'Эспере пошелъ противъ Добровольческой Арміи открыто, рѣзко и рѣшительно. Прибылъ онъ, повидимому, уже съ предвзятыми мнѣніями и готовыми рѣшеніями и прежде всего имѣлъ бесѣду съ Андро, совершенно не интересуясь мнѣніями представителей тѣхъ круговъ, которые стояли на позиціи поддержки Добровольческой Арміи и считали ее единственной основой спасенія и возрожденія Россіи.

Вскорѣ Генераламъ Санникову и Гришину - Алмазову было предложено уѣхать въ Екатеринодаръ, а военнымъ губернаторомъ Одессы былъ назначенъ Генералъ Шварцъ, ничего общаго съ Добровольческой Арміей не имѣвшій и служившій ранѣе у большевиковъ. Однако, и Генералъ Шварцъ, повидимому, учитывая шаткость своего положенія, обратился съ просьбой къ Главнокомандующему объ утвержденіи своего назначенія.

14 марта Главнокомандующій телеграфировалъ Генералу Франше д'Эспере: «Генералъ Шварцъ донесъ мнѣ, что онъ назначенъ Генералъ - Губернаторомъ и Командующимъ войсками Одесской зоны. Устраненіе назначенныхъ мною властей повергло меня въ полное недоумѣніе. Я убѣжденъ, что и Вы признаете необходимость нашей совмѣстной согласованной работы. Полагаю, что въ этомъ дѣлѣ кроется недоразумѣніе, которое можетъ вызвать серьезныя послѣдствія. Поэтому считаю особенно желательнымъ скорѣйшее свиданіе. Положеніе на фронтѣ лишаетъ меня возможности, къ крайнему моему сожалѣнію, отлучиться изъ моей Главной Квартиры хотя бы на скольконибудь продолжительный срокъ. Вотъ почему я предлагаю Вамъ назначить свиданіе въ одномъ изъ портовъ, не очень отдаленномъ отъ Новороссійска, если возможно не далѣе Севастополя. Если Вы раздѣляете мое мнѣніе, я прошу Васъ назначить мѣсто и день свиданія».

Въ то же время Начальникъ Штаба Главнокомандующаго телеграфировалъ Командующему Добровольческими войсками въ Одессѣ Генералу Мельгунову: «Главнокомандующій въ виду происшедшихъ событій приказалъ Вамъ оставаться на мѣстѣ, занимая выжидательное положеніе и донося обстановку сюда. Въ оперативномъ отношеніи подчиняться Французскому Командованію, оберегая Добровольческія части».

Одновременно Главнокомандующій приказалъ Генералу Драгомирову: «Прошу сдѣлать распоряженіе, чтобы всѣ официальные сношенія съ Одессой дѣлались не съ самозванцами, а съ лицами, назначенными ранѣе Командованіемъ, или черезъ Бернацкаго. Въ частности по военнымъ вопросамъ — съ Генералами Мельгуновымъ и Тимановскимъ».

Такая, совершенно не отвѣчающая обстановкѣ и подрывающая престижъ Добровольческой Арміи, политика французовъ, несмотря на цѣлый рядъ преду-

преждей и указаний со стороны Главнокомандующаго Вооруженными силами на Югѣ Россіи, незамедлила повлечь за собой неизбежныя послѣдствія.

Уже 6 марта произошло неудачное для Союзниковъ столкновение съ большевиками подъ Березовкой.

Въ этомъ бою участвовали 2-й и 3-й эскадроны Своднаго кавалерійскаго полка Добровольческой Арміи. По донесеніемъ командировъ эскадроновъ, у Союзниковъ было три баталіона грековъ, одинъ баталіонъ зуавовъ, 6 орудій и 5 танковъ. Большевики, обстрѣлявъ Союзныя войска изъ 2-хъ орудій — одного легкаго и одного тяжелаго, развернули жидкую цѣпь и повели наступленіе на центръ расположенія французовъ. Въ это время въ мѣст. Березовкѣ, въ тылу позиціи, раздалась беспорядочная стрѣльба. Французы и греки дрогнули. Начальникъ отряда Капитанъ Жэ пытался остановить бѣгущихъ, но тщетно. При отступленіи Союзники бросили весь обозъ, оружіе, снаряженіе и даже шинели. Незначительная часть отступающихъ Союзниковъ была остановлена подошедшимъ изъ резерва греческимъ баталіономъ у ст. Славяносербскъ, остальные отошли прямо на Одессу. Особенно сильна была паника на мосту черезъ р. Березовку, гдѣ были оставлены всѣ орудія и всѣ танки.

Вскорѣ послѣ этого большевики сосредоточили свои войска для наступленія на Одессу.

Политика Французскаго Командованія въ Одессѣ, такъ настойчиво стремившагося въ своемъ конечномъ результатѣ къ увеличенію обороноспособности Одессы и ради этого не брезговавшаго никакими путями, въ концѣ концовъ въ этомъ отношеніи ничего не достигла.

Всѣ распоряженія Французскаго Командованія вносили лишь путаницу и подрывали престижъ какъ Франціи, такъ и Добровольческой Арміи.

Въ результатѣ подобной политики, Генераль д'Ансельмъ по приказанію Генерала Франше д'Эспере, которое, яко-бы, послѣдовало изъ Парижа, 23 марта 1919 года очистилъ Одессу, эвакуируя французскія войска частью моремъ, частью сухимъ путемъ въ Румынію. Въ Румынію же отошли и Добровольческія части.

Оставленіе Одессы произошло внезапно и должно было быть совершено въ теченіе 48 часовъ, при чемъ Главнокомандующій Вооруженными силами Юга Россіи не былъ объ этомъ предупрежденъ вовсе.

Вскорѣ Одесса съ ея многолюднымъ населеніемъ и огромными запасами, принадлежащими какъ французскимъ, такъ и русскимъ войскамъ, была занята большевиками.

26 марта Главнокомандующій телеграфировалъ Генералу Франше д'Эспере: «Только вчера 26 марта я узналъ, что французскія войска оставляютъ Одессу, давъ невыполнимый срокъ на ея эвакуацію, а Добровольческая бригада направлена на Аккерманъ. Французское Командованіе не нашло даже нужнымъ предупредить меня объ этомъ. Теперь трудно предугадать даже огромныя историческія послѣдствія этого шага. Во всякомъ случаѣ полагаю, что Добровольческая бригада имѣетъ нравственное право на всякую помощь и прежде всего на немедленную отправку ея моремъ въ полномъ составѣ съ артиллеріей и обозами на присоединеніе къ русской арміи въ Новороссійскъ».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Эвакуація Одессы.

Къ 22 марта въ Одесскомъ районѣ находились:

а) Части вооруженныхъ силъ Юга Россіи: Бригада Генерала Тимановскаго — 3 350 штыковъ, 1 600 сабель, 18 легкихъ орудій, 8 гаубицъ, изъ нихъ половина шестидюймовыхъ и 6 броневыхъ машинъ. Бригада находилась на фронтѣ въ 30—40 версахъ отъ Одессы и лишь небольшой отрядъ, около 400 штыковъ, былъ расположенъ въ самомъ городѣ.

б) Союзныя войска: двѣ французскихъ, двѣ греческихъ и часть румынской дивизіи, — всего до 30—35 тысячъ штыковъ и пашекъ.

Этихъ силъ, какъ показывалъ опытъ Добровольческой Арміи, было совершенно достаточно не только для удержанія Одесскаго района, но и для овладѣнія всѣмъ Юго-Западнымъ краемъ съ Кіевомъ. Но по заявленію самихъ французовъ

войска ихъ были не надежны, и у Французскаго Командованія не было полной увѣренности, что боевые приказы будутъ ими выполняться.

Что же касается грековъ, то настроены они были отлично, но не имѣли своей артиллеріи, средствъ связи, находились въ подчиненіи Французскаго Командованія и были въ общемъ совершенно не самостоятельны.

Противъ этихъ войскъ со стороны большевиковъ дѣйствовали лишь 2 совѣтскихъ полка мѣстнаго формированія и рядъ многочисленныхъ, наскоро организованныхъ отрядовъ, — всего не болѣе 15 тысячъ штыковъ и пашекъ.

Благодаря крайней инертности Французскаго Командованія, — большевики одержали рядъ частныхъ успѣховъ, несмотря на численное превосходство Союзниковъ.

Страшась потерь и неустойчивости своихъ войскъ, Французское Командованіе рѣшило по опыту Салоникскаго укрѣпленнаго района создать и въ Одессѣ «укрѣпленный лагерь».

Немедленно послѣ этого было приступлено къ инженернымъ работамъ.

Такимъ образомъ до 20 марта не было абсолютно никакихъ признаковъ, которые могли бы указать на возможность экстренной эвакуаціи союзныхъ войскъ изъ Одесскаго района.

Вечеромъ 20 марта Французское Командованіе въ Одессѣ получило директивы изъ Парижа.

На слѣдующій день Начальнику Штаба Юго - Западнаго Края Генералу Мельгунову, Французское Командованіе сообщило о перемѣнѣ политики Франціи въ русскомъ вопросѣ, указавъ на то, что Министерство Клемансо пало вслѣдствіе отказа Парламента въ кредитахъ на восточныя операціи и что отъ Пишона получена телеграмма о выводѣ всѣхъ войскъ изъ предѣловъ Россіи въ трехдневный срокъ.

Въ исполненіе этого распоряженія Генераль д'Ансельмъ, Командующій союзными войсками въ Южной Россіи, приказалъ закончить эвакуацію Одессы въ 48 часовъ, каковой срокъ былъ также данъ для эвакуаціи расположенныхъ въ городѣ Одессѣ Русскихъ войсковыхъ частей и тыловыхъ учреждений.

Бывшая на фронтѣ бригада Генерала Тимановскаго находилась въ подчиненіи Начальника 30 французской дивизіи Генерала Нерель. Согласно инструкціи Главной Квартиры № 2 отъ 20 марта за № 7 486 § 3, — войска Генерала Нерель должны были отходить къ Румынской границѣ, по путямъ сѣвернѣе Одессы, минуя самый городъ. Въ § 5 той же инструкціи было указано, что, въ случаѣ отступленія къ Днѣстру, задача возложенная на Русскую Добровольческую Армію будетъ дана дополнительно.

Русскимъ частямъ и учреждениямъ, расположеннымъ въ городѣ Одессѣ, Французскимъ Командованіемъ были назначены три направленія: на Новороссійскъ, Константинополь и Констанцу, причемъ оба послѣднихъ пункта должны были явиться лишь этапомъ для дальнѣйшаго направленія ихъ въ Сибирь къ Адмиралу Колчаку, что, повидимому, совпадало съ желаніемъ Генерала Шварца и нѣкоторыхъ политическихъ партій, интриговавшихъ противъ Добровольческой Арміи.

Для каждаго направленія было предоставлено по нѣсколько транспортовъ.

Желая подготовить общественное мнѣніе къ факту оставленія Одессы союзными войсками, — Генераль д'Ансельмъ издалъ приказъ, въ которомъ доводилъ до свѣдѣнія населенія, что въ виду невозможности подвести въ ближайшее время достаточнаго количества продовольствія, имъ принято рѣшеніе уменьшить въ Одессѣ число жителей путемъ ея частичной эвакуаціи. Этотъ приказъ появился въ газетахъ 21 марта. Одновременно, всѣ служащіе въ различныхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ по требованію Французскаго Командованія, были спрошены о томъ, куда бы они хотѣли выѣхать изъ Одессы, при чемъ было предложено на выборъ упомянутыя три направленія.

Есть данныя предполагать, что приказъ этотъ не являлся полной неожиданностью для Французскаго Командованія, такъ на примѣрѣ: Полковникъ Фрейденбергъ, получивъ за недѣлю до эвакуаціи мѣсячный отпускъ, во Францію не уѣхалъ, дѣлъ своему замѣстителю Полковнику Жерменъ не сдалъ и, по полученіи приказа объ эвакуаціи, фактически взялъ все дѣло эвакуаціи въ свои руки.

Въ первый же день эвакуація города приняла до нельзя беспорядочныя формы; произошла полнѣйшая сумятица, прежде всего потому, что французы захватили себѣ нѣсколько русскихъ транспортовъ, ранѣе ими же самими предназначен-

ныхъ для эвакуаціи русскихъ. Лица, которымъ были отведены мѣста на захваченныхъ транспортахъ, оказались за бортомъ и устремились на пароходы, оставшіеся еще въ распоряженіи Русскихъ властей. А въ то же время, Управленіе Андро, не будучи въ этомъ освѣдомлено, продолжало выдавать билеты на тѣ именно транспорты, которые уже были захвачены французами.

Въ первый же день, 21 марта, началась эвакуація и французскихъ войскъ, носившая сумбурный и паническій характеръ.

Состояніе Французскихъ войскъ, близкое къ полной деморализаціи, тотчасъ же подняло духъ мѣстныхъ большевиковъ. Немедленно проявилъ кипучую дѣятельность, до тѣхъ поръ существовавшій лишь нелегально, мѣстный совдепъ, который выпустилъ воззваніе къ населенію, посадилъ во всѣ банки комиссаровъ, наложившихъ запретъ на хранящіяся тамъ суммы и развилъ широкую агитацію среди рабочихъ.

Психика обывателя, благодаря происшедшимъ внезапнымъ переменамъ была настолько потрясена, что ко всѣмъ распоряженіямъ большевиковъ, какъ будущей власти, невольно относились внимательно. Судовыя команды, подчинившись распоряженію большевистскаго штаба, забастовали и сошли на берегъ, предварительно испортивъ на большинствѣ судовъ машины. Это окончательно осложнило эвакуацію.

Въ городѣ начались отдѣльные случаи убійствъ большевиками добровольцевъ и разоруженія греческихъ солдатъ. Изъ тюрьмы были выпущены всѣ, какъ политическіе, такъ и уголовные преступники.

Съ утра 22 марта весь городъ былъ запруженъ бѣженцами. Всѣ старались попасть на какой-нибудь пароходъ, безразлично куда бы онъ ни шелъ, лишь бы только у него была исправна машина и имѣлся уголь, чтобы хотя выбраться изъ порта. Однако такихъ пароходовъ было мало, приходилось занимать и совершенно безнадежныя суда. Въ теченіе всего 23 марта французы выводили такія суда на внѣшній рейдъ, гдѣ они усиліями самихъ же пассажировъ и при весьма слабой помощи союзниковъ, кое-какъ чинились и уходили каждый въ своемъ направленіи. Вывести всѣ суда изъ порта все-таки не удалось.

Въ полдень 23 марта власть въ городѣ перешла въ руки совѣта рабочихъ депутатовъ.

Французское Командованіе и городская дума оффиціально признали его; съ этого момента большевики стали полными хозяевами положенія. Для того, чтобы побудить французовъ оставить въ Одессѣ русскую торговую флотилію, совдепъ командировалъ на французскій линейный корабль «Жюстисъ» депутацію, вступившую въ переговоры съ французскимъ морскимъ командованіемъ.

Судя по большевистской радіотелеграммѣ, переговоры продолжались около 2 часовъ и съ обѣихъ сторонъ носили самый вѣжливый характеръ. Впрочемъ, эти переговоры никакихъ послѣдствій не имѣли, такъ какъ почти всѣ суда, стоявшія въ Одесскомъ порту (болѣе 20), французы предназначили для перевозки своихъ войскъ, военныхъ припасовъ, и мѣстныхъ французскихъ и греческихъ колоній, а тѣ немногія, не успѣвшія въ этотъ день выбраться на внѣшній рейдъ суда, были уже окончательно испорчены самими же большевиками.

Впослѣдствіи, для предотвращенія помѣхи эвакуаціи со стороны большевиковъ, въ городѣ недалеко отъ порта была установлена линія зоны, въ предѣлахъ которой французы оставались до послѣдней минуты полными хозяевами положенія. Прочая часть Одессы, въ которой находились всѣ банки, общественныя и государственныя учрежденія, продолжала оставаться въ рукахъ большевиковъ.

При такой обстановкѣ, эвакуація города съ миллионнымъ населеніемъ, громадными запасами военнаго имущества, матеріаловъ и массою различныхъ учреждений, конечно, не могла быть закончена въ 48 часовой срокъ: это оказалось фактически не выполнимымъ и послѣднія французскія суда покинули рейдъ Одессы только 26 марта, т. е. спустя болѣе чѣмъ 72 часа по истеченіи двухдневнаго срока.

Такимъ образомъ назначенный чрезмѣрно короткій срокъ эвакуаціи отнюдь не вызывался обстановкой ни военной, ни политической, и могъ быть смѣло увеличенъ до недѣли, въ теченіе которой при спокойныхъ и надлежащихъ распоряженіяхъ Русскихъ властей можно было бы упорядочить эвакуацію, вывезти бѣженцевъ и наиболѣе цѣнное имущество. А между тѣмъ, всѣми предшествующими своими распоряженіями Французское Командованіе лишь дезорганизовало Русское управленіе, лишило власти представителей Командованія вооруженныхъ силъ

Юга Россіи и привело къ тому, что предполагаемая планомѣрная эвакуація вылилась въ паническое и постыдное бѣгство.

При этомъ тяжело пострадали лойяльное населеніе города и въ особенности семьи чиновъ Добровольческой Арміи. Брошенные на произволъ судьбы, терявъ послѣднее свое достояніе, они въ небольшомъ лишь числѣ, голодные и нишіе, спаслись на транспортахъ. Большая же часть ихъ была брошена и обречена на всѣ ужасы большевистскаго насилія, а, можетъ быть, и на гибель въ Одессѣ...

Бывшая на фронтѣ и состоявшая въ подчиненіи Генералу Нерель, бригада Генерала Тимановскаго, послѣ очищенія греками линіи желѣзной дороги, 23 марта начала отходить изъ района деревни Малый Буялыкъ къ Одессѣ. У станціи Одесса-Сортировочная Вр. Командующій бригадой Генеральнаго Штаба Полковникъ Ерофѣевъ получилъ отъ французскаго командованія приказаніе, — не заходя въ городъ, въ виду захвата его рабочими, слѣдовать черезъ большой Куяльникъ, Усатово въ деревню Дальникъ, гдѣ и расположиться на ночлегъ. 24 марта Вр. Командующій бригадой, не получивъ ни отъ кого никакихъ указаній, направилъ бригаду въ деревню Бѣляеву, куда прибылъ днемъ 26 марта и приступилъ совмѣстно съ находившимися тамъ польскими войсками, къ постройкѣ моста черезъ рѣку Днѣстръ, предполагая здѣсь переправиться въ Бессарабію.

Начальникъ бригады Генераль Тимановскій находился въ это время въ Одессѣ. 21 марта ему было сообщено объ эвакуаціи. Генераль д'Ансельмъ письменно заявилъ Генералу Тимановскому, что не допуститъ никакихъ беспорядковъ въ городѣ, открывъ въ случаѣ возникновенія ихъ артиллерійскій огонь со стоящей на рейдѣ эскадры. Однако, какъ уже говорилось, 22-го марта на улицахъ города появились вооруженные рабочіе и еврейскія организаціи, которые разстрѣливали чиновъ Добровольческой Арміи, чему, какъ это не странно, Генераль д'Ансельмъ совершенно не препятствовалъ.

Одновременно Генераль д'Ансельмъ сообщилъ о томъ, что всѣ чины Добровольческой Арміи должны получить шестимѣсячный новый окладъ содержанія 22 марта Генералу Тимановскому съ большимъ трудомъ удалось добиться у Генерала Шварца разрѣшенія на выдачу аванса изъ Одесской конторы Государственнаго банка въ размѣрѣ 75 милліоновъ рублей. Посланные въ этотъ день лица въ банкъ по формальнымъ причинамъ денегъ получить не могли, при чемъ ни вновь образованная русская администрація во главѣ съ Андро, ни Французское Командованіе не оказали въ этомъ случаѣ никакой поддержки. Кромѣ указанной суммы Генераломъ Шварцъ было обѣщано выдать не менѣе 800 000 кронъ для жизни бригады въ первые дни ея перехода за границу.

23 марта, когда мѣстные большевики при полномъ непротивленіи французскихъ войскъ заняли улицы и учрежденія Одессы, Генераль Тимановскій въ сопровожденіи броневго автомобиля проѣхалъ къ Генералу д'Ансельму и изложилъ тяжелое матеріальное положеніе бригады. Генераль д'Ансельмъ своимъ честнымъ словомъ обѣщалъ Генералу Тимановскому вечеромъ того же дня выдать около 10 милліоновъ иностранной валютой, которые должны были быть получены отъ бывшаго Начальника Штаба Полковника Фрейденберга. Несмотря на беспорядки въ городѣ, Генераль Тимановскій, не желая терять времени, послалъ вооруженный отрядъ въ Государственный банкъ за полученіемъ денегъ по ассигновкѣ полученной отъ Генерала Шварца. Отрядъ встрѣтилъ сопротивленіе и не достигнувъ банка едва смогъ пробиться обратно. Имѣя въ своемъ распоряженіи всего около 400 штыковъ, бывшихъ въ городѣ, Генераль Тимановскій не могъ ввязаться въ бой на улицахъ города, чтобы добиться полученія денегъ.

Положеніе этого небольшого отряда, постепенно становилось все болѣе и болѣе угрожающимъ, поэтому послѣ разрѣшенія полученнаго отъ Генерала д'Ансельма, Генераль Тимановскій, вечеромъ 23 марта съ боемъ, неся потери, вывелъ отрядъ изъ казармъ за городъ.

Въ тотъ же день къ Генералу д'Ансельму, были командированы два броневыхъ автомобиля за полученіемъ обѣщанныхъ денегъ. Въ одномъ изъ нихъ отправился Вр. и. д. Начальника Штаба бригады Генеральнаго Штаба Капитанъ Капнинъ съ соответствующей довѣренностью, который съ боемъ прошелъ черезъ городъ и явился Генералу д'Ансельму.

Однако, несмотря на данное послѣднимъ честное слово, Капитанъ Капнинъ денегъ не получилъ. Генераль д'Ансельмъ отвѣтилъ такъ: «Деньги не могутъ быть выданы немедленно; необходимо произвести казначейскую операцію, что

возьметъ два или три дня. Вся Добровольческая бригада должна немедленно отправиться на Фонтаны, — первый пунктъ назначенія, какъ сегодня утромъ просилъ Генераль Тимановскій, и далѣе въ Овидіополь, гдѣ она получитъ распоряженіе относительно погрузки. Крайне важно, чтобы дороги на Аккерманъ были бы свободны сегодня ночью. Суда, находящіяся въ Одесскомъ порту или рейдѣ ни одного военнаго для погрузки не примутъ. Условія погрузки Русскихъ Добровольцевъ изъ Овидіополя будутъ указаны въ ближайшемъ будущемъ.

800 000 кронъ, обѣщанныхъ Генералу Тимановскому Генераломъ Шварцемъ, тоже получить не удалось, такъ какъ послѣдній находился уже на пароходѣ и проникнуть къ нему безъ боя было невозможно. Вскорѣ Генераль Шварцъ, выдавъ заблаговременно шестимѣсячный окладъ содержанія себѣ, всѣмъ чинамъ своего Штаба и не позаботившись совершенно о Добровольцахъ, дравшихся на фронтѣ, оставивъ ихъ и ихъ семьи совершенно безъ средствъ, отплылъ благополучно изъ Одессы.

Вечеромъ 23 марта Генераль Тимановскій получилъ приказаніе Генерала д'Ансельма, переданное ему черезъ Генерала Боріуса. «Генераль д'Ансельмъ поручилъ мнѣ передать Вамъ категорическій приказъ сегодня же вечеромъ покинуть Одессу и направиться на Аккерманъ черезъ Бол. Фонтанъ со всѣми русскими войсками еще находящимися въ Одессѣ».

Въ тотъ же день части бригады, находящіяся въ окрестностяхъ Одессы, перешли въ Овидіополь. Вся же бригада Генерала Тимановскаго, сосредоточившаяся къ 24-му марта въ деревнѣ Бѣляевка, переправиться черезъ построенный мостъ въ Бессарабію не смогла, такъ какъ отъ Генерала д'Ансельма было получено слѣдующее приказаніе: «Части Добровольческой Арміи, находящіяся теперь въ Аккерманѣ, будутъ 8 апрѣля въ теченіе одного дня на баржахъ отправлены въ Бугасъ и будутъ въ распоряженіи Адмирала Куве, находящагося на кораблѣ «Вальдекъ Руссо». Части, находящіяся въ данное время въ Овидіополѣ, немедленно отправятся на Бугасъ лѣвымъ берегомъ Днѣстра».

Для полученія подробныхъ указаній о погрузкѣ на транспорты Генераль Тимановскій вмѣстѣ съ своимъ Начальникомъ Штаба и Начальникомъ французской 156 дивизіи Генераломъ Боріусомъ, на дрезинѣ прибылъ на станцію Бугасъ, гдѣ и получилъ личное приказаніе Генерала д'Ансельма. Выяснилось, что на транспорты будутъ погружены лишь люди съ винтовками и патронами, пулеметы, телефонное имущество и багажъ. Вся же матеріальная часть артиллеріи, автомобильныхъ частей, обозы и лошади должны были быть оставлены французамъ. При этомъ Генераль д'Ансельмъ въ присутствіи многихъ французскихъ и русскихъ офицеровъ заявилъ, что за все оставляемое имущество и лошадей будетъ уплачено Генералу Деникину или Генералу Тимановскому. То же самое 26 марта было имъ подтверждено письменно на имя Генерала Тимановскаго: «Французское командованіе не уполномочено выдавать денежные авансы войскамъ Русской Добровольческой Арміи, но въ виду крайней необходимости и принимая во вниманіе численность этихъ войскъ, казалось бы, слѣдовало примѣнить слѣдующій способъ: Русская Добровольческая Армія увѣдомитъ о матеріалахъ и припасахъ всѣхъ родовъ, каковыя она считаетъ лишнимъ перевозить моремъ, или которые невозможно будетъ погрузить (напримѣръ лошади). Будетъ составленъ списокъ этимъ матеріаламъ, который союзнымъ командованіемъ будетъ учтенъ при полученіи его отъ частей Русской Добровольческой Арміи. Генераль Тимановскій благоволитъ увѣдомить, соглашается ли онъ на такое рѣшеніе вопроса и въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, сообщить какъ можно скорѣе свѣдѣнія объ оставляемомъ имъ матеріалѣ».

Одновременно Командиру 21 отрѣлковаго полка 156 французской дивизіи Генераломъ Боріусомъ было отдано распоряженіе: «Командиру баталіона Сень-Жюльенъ 21 стрѣлковаго полка, поручается составленіе описи и охрана матеріала, оставляемаго Русской Добровольческой Арміей у восточнаго входа перваго моста въ Бугасъ. Въ зависимости отъ обстоятельствъ этотъ матеріалъ надлежитъ, либо перевезти на правый берегъ Днѣстра, либо на мѣстѣ уничтожить. Полковнику, Командиру А. Д. 156 надлежитъ назначить достаточное количество людей для приѣма и временнаго размѣщенія на островѣ Бугасъ лошадей Русской Добровольческой Арміи. Ему же надлежитъ одновременно съ приѣмкой лошадей получить отъ Русской Добровольческой Арміи, весь имѣющійся еще у нихъ фуражъ и зерно».

Въ теченіе 27 и 28 марта. шло сосредоточеніе бригады на островѣ у станціи Бугасъ. Движеніе совершалось по сыпучимъ пескамъ, на протяженіи 7 верстѣ, при чемъ по пути приходилось преодолѣвать желѣзнодорожный мостъ съ рѣшетчатымъ настиломъ, который французы не приспособили къ движенію повозокъ сами, и не позволили сдѣлать это русскимъ. Мостъ былъ занятъ французскимъ карауломъ, который по своему произволу, а иногда и по приказу Генерала Боріуса, прекращалъ движеніе русскихъ повозокъ, людей и лошадей. Поведеніе французскихъ начальниковъ въ этихъ случаяхъ было пренебрежительнымъ и вызывающимъ. Французы думали лишь о спасеніи своего имущества, которое перевозилось по желѣзной дорогѣ, а русскихъ заставляли бросать и то небольшое, что ими было взято съ собой и съ такимъ трудомъ тащилось по пескамъ.

Къ полудню 28 марта вся бригада сосредоточилась на островѣ. Въ ожиданіи погрузки, болѣе двухъ сутокъ бригада находилась въ самыхъ печальныхъ условіяхъ: безъ крыши, безъ продовольствія и фуража, въ состояніи полной неопредѣленности и дерганія взадъ и впередъ.

Въ ночь съ 28 на 29 марта бригада была неожиданно передвинута на правый берегъ рѣки Днѣстра, въ районѣ непосредственно къ западу отъ станціи Бугасъ, при чемъ помѣщенія даже для раненыхъ и больныхъ предоставлено не было. Условія жизни были настолько тяжелы, что Генераль Тимановскій 29 марта доносилъ Генералу д'Ансельму: «Докладываю: 1. Если сегодня не будетъ доставлено, хотя бы къ вечеру продовольствіе на 5 000 человекъ, то я уже завтра не могу отвѣчать за дѣйствія своихъ частей. 2. На мѣстѣ бивака всего два колодца. Къ лиману же за водой, черезъ желѣзную дорогу не пропускаютъ. Необходимо разрѣшеніе на пропускъ къ лиману. 3. Лошади начинаютъ падать отъ голода. Необходимо немедленная присылка пріемной комиссіи для ихъ пріема. Съ другой стороны необходимо оставить для всѣхъ частей хотя бы 50 лошадей и доставить для нихъ фуражъ. Необходимо немедленное оказаніе помощи больнымъ и раненымъ, находящимся до сихъ поръ на открытомъ воздухѣ. Больныхъ теперь не менѣе ста человекъ. Есть случаи серьезныхъ заболѣваній. 5. Прошу письменнаго разрѣшенія на пропускъ въ Аккерманъ интендантской комиссіи въ составѣ 10 человекъ, подъ начальствомъ бригаднаго интенданта, для закупки продуктовъ за деньги. 6. Прошу письменнаго разрѣшенія на проѣздъ въ Бухарестъ трехъ моихъ офицеровъ, для личнаго доклада Генералу Геруа. 7. Прошу отвѣтить на каждый пунктъ, въ виду важности cadaго».

Не успѣли еще части перевезти на новый бивакъ свое имущество, какъ около 12 часовъ, послѣдовало новое приказаніе Генерала Боріуса, объ обратномъ переходѣ бригады на лѣвый берегъ рѣки для немедленной погрузки на транспорты, что и было выполнено.

Погрузка перваго транспорта была закончена вечеромъ 30 марта и транспорты начали отходить въ Тульчу.

Утромъ 30 марта къ Генералу Тимановскому, на транспортъ прибылъ французскій офицеръ, съ переводчикомъ Княземъ Гагаринымъ, и предложилъ 150 000 рублей за русскую матеріальную часть, оставленную на лѣвомъ берегу Днѣстра и принятую 156 пѣхотной французской дивизіей.

Такая ничтожная сумма, за то громадной цѣнности имущество, которое было оставлено французамъ, по ихъ же требованію, конечно, принята быть не могла. Отклоняя это унизительное предложеніе Генераль Тимановскій донесъ Генералу д'Ансельму:

«Во время пребыванія въ Одессѣ, когда было уже рѣшено оставленіе ея, мнѣ для бригады въ предпоследній день передъ уходомъ, Генераломъ Шварцемъ было разрѣшено получить 7 500 000 рублей. Я ихъ не получилъ, такъ какъ при попустительствѣ французскаго караула, въ Государственный банкъ были допущены депутаты совѣта рабочихъ депутатовъ (большевики), а на слѣдующій день 23 марта даже ихъ караулы. Взять деньги съ боя у меня не было силъ.

Генераломъ Шварцемъ было обѣщано 800 000 кронъ. Я ихъ не получилъ, такъ какъ Генераль Шварцъ съ Вашего разрѣшенія сѣлъ на пароходъ, куда пройти за деньгами я безъ боя также не могъ. Въ результатѣ деньги эти увезены Генераломъ Шварцемъ, увезены неизвѣстно куда.

23 марта утромъ, при свиданіи со мной у Васъ, Вы мнѣ обѣщали честнымъ словомъ выдать 10—20 милліоновъ иностранной валютой, на содержаніе Добровольцевъ. Деньги должны были быть получены въ тотъ же день-вечеромъ у Полков-

ника Фрейденберга. Когда же вечером мой Начальник Штаба Капитанъ Капнинъ съ боемъ на двухъ броневикахъ прибылъ къ Вамъ, то въ деньгахъ было отказано и въ письменной формѣ былъ данъ отвѣтъ: «Деньги не могутъ быть выданы немедленно; необходимо произвести казначейскую операцію, что возьметъ два или три дня». Бумага эта за Вашей подписью и печатью имѣется у меня. Деньги же отъ Васъ такъ и не получены.

26 марта на мосту у ст. Бугасъ, когда выяснилось, что посадка на транспортъ будетъ произведена только людей, пулеметовъ и багажа, а вся матеріальная часть и лошади бросаются, — Вами было обѣщано, за все оставленное имущество, снаряженіе и лошадей уплатить мнѣ или Генералу Деникину. Во исполненіе этого приказа вся матеріальная часть артиллеріи, обозъ, лошади, броневики и легковые автомобили мною оставлены на берегу.

Сегодня 30 марта ко мнѣ на транспортъ прибылъ отъ Генерала Боріуса французскій офицеръ, въ сопровожденіи переводчика Князя Гагарина. Офицеръ привезъ 150 000 рублей русской валютой, не идущей за границей, за нашу матеріальную часть, принятую 156 пѣх. дивизіей, считая это совершенно недостаточнымъ, такую ничтожную сумму для 6 000 человекъ (имѣющихся у меня) принять не могу.

Остаюсь безъ денегъ, какъ на мѣстѣ, такъ и на будущемъ пунктѣ остановки.

Исполняя все Ваши приказанія по приказу Генерала Деникина, я никогда не могъ предполагать тѣхъ незаслуженныхъ оскорбленій, униженій, которыя выпали на меня и на подчиненныя мнѣ части. Неужели только за то, что Добровольческая Армія одна осталась вѣрной Союзникамъ, когда весь фронтъ развалился... Ввѣренныя мнѣ части благодаря голодовки, мотаніямъ по постамъ взадъ и впередъ, лишенію матеріальной части, которую мы съ такимъ трудомъ приобрѣтали, настолько были озлоблены, что мнѣ стоило большого труда и спокойствія, чтобы удержать ихъ въ рамкахъ подчиненія.

Разставаясь теперь съ Вами, Ваше Превосходительство, я по долгу совѣсти и чести доношу Вамъ, что такихъ униженій и скорбленій Высшаго Французскаго Командованія по моему адресу, по адресу русскаго Генерала, который работаетъ съ Франціей 5-й годъ, который погонь своихъ не снималъ и лица своего не запачкалъ — я никогда не ожидалъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи Генералъ Тимановскій».

По прибытіи бригады въ Тульчу Французскимъ Командованіемъ было предложено, всему составу бригады сдать оружіе. Однако, когда Генералъ Тимановскій заявилъ, что онъ, считая себя Начальникомъ союзной части, можетъ это исполнить, не иначе какъ по приказанію Генерала Франше д'Эспере или Бертело, бригада была пропущена въ городъ съ оружіемъ въ рукахъ, и лишь во время стоянки въ городѣ по распоряженію Генерала Тимановскаго, чины бригады ходили безъ оружія.

Части бригады были размѣщены въ разрушенныхъ домахъ и казармахъ безъ оконъ и дверей.

* * *

Все чины бригады получали лишь половину французскаго пайка и потому жили впроголодь. Купить было не на что. Украинскія деньги, которыя только и имѣлись въ бригадѣ, не имѣли опредѣленнаго курса и почти не принимались. Варка пищи была затруднена до крайности, такъ какъ походныя кухни, по приказанію французовъ были оставлены у Бугаса. Санитарная часть была поставлена очень плохо: городъ больныхъ и раненыхъ не принималъ, а имѣющіяся въ бригадѣ средства не позволяли оборудовать лазареты собственнымъ попеченіемъ.

По настоянію Французскаго Командованія, бригада лишилась всей своей матеріальной части и конскаго состава. Между Каролина Бугасъ и станціей Бугасъ, благодаря открытому противодѣйствію французскихъ начальниковъ, было оставлено: 18 легкихъ, 4—48 линейныхъ и 4 шестидюймовыхъ орудій, 6 бронированныхъ автомобилей, 10 грузовыхъ и 25 легковыхъ автомобилей, 40 походныхъ кухонь, 600 парныхъ повозокъ, 3 000 лошадей, не считая при этомъ цейхгаузовъ съ громаднымъ количествомъ продовольствія, обмундированія, снаряженія и бѣлья, брошенныхъ въ Одессѣ.

Части вооруженныхъ силъ Юга Россіи въ Одесскомъ районѣ въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ доблестно сражавшіяся бокъ о бокъ съ Союзниками противъ большевиковъ, въ тяжелое время оставленія Одессы и отхода въ Румынію не только

не получили никакой помощи со стороны Французскаго Командованія, но, вынеся цѣлый рядъ оскорбленій отъ французскихъ начальниковъ, исключительно вслѣдствіе распоряженій Французскаго Командованія, вынуждены были оставить почти всю матеріальную часть, лошадей и обозъ, т. е. все то, что составляло особенную цѣнность и было до крайности необходимо вооруженнымъ силамъ Юга Россіи.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Эвакуація Севастополя.

Съ оставленіемъ союзными войсками Херсона и Николаева, положеніе частей Вооруженныхъ силъ Юга Россіи, дѣйствующихъ въ трехъ сѣверныхъ уѣздахъ Тавріи и защищающихъ Крымскій полуостровъ, становилось крайне тяжелымъ. На лѣвомъ берегу нижняго Днѣпра появились регулярныя совѣтскія войска; бывшія ранѣе въ этомъ районѣ многочисленныя, но разрозненныя грабительскія банды начали принимать правильную организацію; украинскія войска атамана Григорьева окончательно перешли на сторону большевиковъ.

Подъ давленіемъ превосходныхъ силъ противника, слабыя части Крымско-Азовской Добровольческой арміи принуждены были отходить на Крымскій полуостровъ. Удержаться продолжительное время на перешейкахъ не удалось. Подъ вліяніемъ прорыва фронта у Перекопа и десанта противника, произведеннаго на моторныхъ лодкахъ изъ Геническа, армія продолжала отходить вглубь полуострова въ направленіи на Керчь и удержалась лишь на Акманайской позиціи, поддержанная судовой артиллеріей русскихъ и англійскихъ кораблей.

Непрочность положенія на перешейкахъ сознавалась какъ Русскимъ Командованіемъ, такъ и прибывшимъ 13 марта въ Севастополь Генераломъ Франше д'Эспере. Генераль Франше д'Эспере указалъ на необходимость продержаться на перешейкахъ еще двѣ недѣли, къ концу которыхъ обѣщалъ оказать помощь. Русскія войска простояли болѣе двухъ недѣль, но помощи отъ французовъ не видѣли...

Въ серединѣ марта гарнизонъ Севастополя состоялъ изъ двухъ баталіоновъ 175 пѣхотнаго французскаго полка, одного баталіона грековъ, двухъ батарей 242-го артиллерійскаго французскаго полка, небольшого количества вспомогательныхъ французскихъ войскъ и высаженнаго на берегъ экипажа сѣвшаго на мель французскаго линейнаго корабля «Мирабо».

Второй баталіонъ грековъ находился въ Симферополѣ, выдвинувъ одну роту въ Таганашъ, а другую къ станціи Джанкой.

Всѣ упомянутыя войска подчинились Командующему союзными войсками въ Крыму — Полковнику Труссону.

На рейдѣ къ этому времени находилась союзная эскадра, въ составѣ трехъ французскихъ линейныхъ кораблей: «Жанъ - Баръ», «Вернио» и «Мирабо», нѣсколько французскихъ миноносцевъ, англійскаго крейсера «Калипсо» и двухъ греческихъ миноносцевъ. Вся эскадра была подчинена Командующему 2-й французской эскадрой Адмиралу Аметъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ являлся и политическимъ комиссаромъ Франціи на Черномъ морѣ.

Съ нетерпѣніемъ ожидалось прибытіе колониальныхъ французскихъ войскъ, которыя, однако, нѣсколько запоздали и высадились въ Севастополѣ лишь въ послѣднихъ числахъ марта.

Противникъ численностью до 8—10 тысячъ, войдя въ Крымъ, большею частью войскъ, продолжалъ наступленіе на Керчь, и тѣ ничтожныя силы, которыя докатились до Севастополя, несомнѣнно, могли быть уничтожены союзными войсками, уже находившимися въ крѣпости, а съ прибытіемъ колониальныхъ войскъ положеніе Севастополя, казалось бы, должно было сдѣлаться совершенно прочнымъ.

Однако, высадившіеся 30 марта 2 000 алжирцевъ, а 1-го апрѣля столько же негальцевъ, изъ крѣпости никуда не выводились и никакой активности не проявили.

А между тѣмъ, крѣпость эта имѣла чрезвычайное значеніе для Вооруженныхъ силъ Юга Россіи, продолжая оставаться морской базой Черноморскаго флота и вмѣщая въ себѣ громаднѣйшіе запасы военнаго снабженія всякаго рода.

Въ порту находились исправныя русскія суда, лишь частью нуждавшіяся въ незначительномъ ремонтѣ: 2 крейсера, 6 миноносцевъ, 7 посыльныхъ судовъ, 3 подводныхъ лодки, 2 канонерскихъ лодки, 2 тральщика, 8 транспортовъ 7 пароходовъ, 8 буксировъ, 9 катеровъ. Кромѣ нихъ были суда, нуждавшіяся въ капитальномъ ремонтѣ: 2 миноносца, 2 посыльныхъ судна, 6 подводныхъ лодокъ, 1 канонерская лодка, 2 тральщика и 3 парохода.

Уже въ двадцатыхъ числахъ марта положеніе Севастополя становилось тревожнымъ. 21-го марта Полковникъ Труссонъ пригласилъ Коменданта крѣпости Генерала Субботина, его Начальника Штаба и Начальниковъ Артиллеріи и Инженеровъ на совѣщаніе, на которомъ заявилъ, что на случай приближенія большевиковъ, линія обороны крѣпости имѣетъ намѣчается по линіи историческихъ бастионовъ, за исключеніемъ сѣверной стороны. На указаніе Генерала Субботина о чрезвычайной важности именно сѣверной стороны, питающей городъ водою, Полковникъ Труссонъ заявилъ, что онъ это понимаетъ, но по недостатку силъ сдѣлать ничего не можетъ и надѣется, что противникъ, появившійся на сѣверной сторонѣ, будетъ сметенъ судовой артиллеріей. Одновременно Полковникъ Труссонъ предложилъ Генералу Субботину и Генералу Рербергу войти въ совѣтъ обороны. Объ этомъ былъ отданъ приказъ, который однако остался мертвой буквой, такъ какъ совѣтъ обороны не собирался ни разу. Нѣсколько позже былъ выпущенъ второй приказъ, въ которомъ Полковникъ Труссонъ объявилъ себя Военнымъ Губернаторомъ, а Генерала Субботина — своимъ помощникомъ.

Неоднократныя увѣренія французовъ, что Севастополь ими оставленъ не будетъ, вызывали сомнѣніе. Впечатлѣнія Одессы, Николаева, Херсона были еще слишкомъ свѣжи въ памяти, а опредѣленное заявленіе Полковника Труссона о томъ, что несмотря на рѣшеніе французовъ защищать городъ, всѣ части и учрежденія Добровольческой Арміи должны будутъ покинуть Севастополь, вызвало полное недоумѣніе у всѣхъ. Настроеніе въ городѣ становилось паническимъ.

Тѣмъ не менѣе, тотчасъ-же была образована эвакуаціонная коммиссія подъ предсѣдательствомъ Коменданта крѣпости, которая должна была выяснитъ все подлежащее эвакуаціи и распредѣлить транспортныя средства. Къ работамъ было приступлено немедленно, однако коммиссія засѣдала всего лишь три раза, такъ какъ въ виду объявленія французами осаднаго положенія, хожденіе по улицамъ позднѣе 8-ми часовъ вечера запрещалось и члены коммиссіи вечерами собираться не могли, въ выдачѣ же пропусковъ французы отказали.

Вскорѣ по приказанію Полковника Труссона все дѣло эвакуаціи было передано въ вѣдѣніе Русскаго Морского Штаба. Это неизбежно сразу же внесло путаницу въ работу. А между тѣмъ съ началомъ эвакуаціи въ Севастополь скопилось много бѣженцевъ изъ Симферополя, Ялты, Евпаторіи, Балаклавы и другихъ городовъ. Съ цѣлью успокоенія взволнованнаго населенія и уменьшенія продовольственнаго кризиса представлялось крайне важнымъ скорѣе освободиться отъ этого пришлаго элемента. Однако французская морская база, выдававшая пропуска, производила это крайне медленно; пріемные часы были ограничены, а обращеніе чиновъ базы съ публикой было надменнымъ и оскорбительнымъ. Съ другой стороны, всевозможными повѣрками, Французское Командованіе тормозило какъ погрузку судовъ, такъ и выходъ ихъ въ море.

Для удовлетворенія нуждъ по эвакуаціи военныхъ учреждений, а также для уплаты жалованія и выдачи пособія чинамъ Добровольческой Арміи, Комендантъ крѣпости потребовалъ изъ мѣстнаго банка, на основаніи имѣвшейся ассигновки, полмилліона рублей. Директоръ банка оплатитъ таковую отказался подъ предлогомъ неимѣнія денегъ, что на самомъ дѣлѣ было невѣрно, такъ какъ въ распоряженіи Правительства имѣлось до 11 милліоновъ рублей.

Объ этомъ обстоятельствѣ было сообщено Полковнику Труссонъ, который заявилъ, что въ это онъ не вмѣшивается и предоставляетъ Генералу Субботину полную свободу дѣйствій.

Вызвавъ по телефону Директора банка, Генералъ Субботинъ подъ угрозой ареста добился полученія милліона рублей.

Однако черезъ два дня Субботинъ получилъ отъ Полковника Труссонъ слѣдующее сношеніе: «До моего свѣдѣнія дошло:

1. Что Правительство увезло всѣ деньги, оставивъ городское самоуправленіе безъ денегъ.

2. Что пароходъ «Волга» груженный зерномъ ушелъ несмотря на отданный мною приказъ.

3. Что Добровольцы, уходя, грабятъ матеріалы.

Вслѣдствіе этого я приказываю:

1. Ни одному пароходу не будетъ дано разрѣшеніе на выходъ, пока все не будетъ возвращено.

2. Всѣ чины бывшаго Правительства и, главнымъ образомъ, министръ финансовъ будутъ немедленно задержаны, моимъ распоряженіемъ и препровождены ко мнѣ до полудня. Такая же мѣра по отношенію адъютанта Начальника Штаба Командующаго Добровольцами, по фамиліи Мурзинъ.

3. Добровольцы имѣютъ право увозить только ихъ личный багажъ, ружья, пушки, патроны и снаряды. Безусловно воспрещается вывозъ продовольствія городского или государственнаго какого-бы происхожденія оно ни было, въ частности муки, зерна, постельныхъ принадлежностей, мебели и госпитальныхъ матеріаловъ.

Вы непосредственно отвѣтственны въ исполненіи этихъ приказовъ».

Для разъясненія всѣхъ этихъ вопросовъ Генераль Субботинъ въ тотъ же день лично посѣтилъ Полковника Труссона, который рѣзко заявилъ, что по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, въ Севастопольскомъ Государственномъ банкѣ было около 11 милліоновъ рублей, деньги эти исчезли и онъ не можетъ допустить, чтобы народное хозяйство расхищалось. На это генераль Субботинъ возразилъ, что за дѣятельность министровъ онъ не отвѣтственъ.

— «Почему до настоящаго времени они ко мнѣ не доставлены». — «Я понялъ изъ Вашего сношенія, что это будетъ сдѣлано Вашимъ распоряженіемъ». — «Нѣтъ, это должны сдѣлать Вы». — «Я требую, чтобы милліонъ, взятый Вами, былъ возвращенъ».

— «Это невозможно, такъ какъ деньги нужны для расходовъ по эвакуаціи, для оплаты жалованія и выдачи пособій. По закону я имѣю право это сдѣлать. Правительство выдало пособіе всѣмъ, я же выдаю только эвакуирующимся, такъ какъ выдачу пособій не эвакуирующимся считаю несправедливой и у меня не хватитъ денегъ для удовлетворенія претензій этихъ послѣднихъ. Денегъ отъ офицеровъ я отобрать не могу, такъ какъ многіе уже произвели необходимые расходы, а многіе уѣхали. Безъ денегъ я не могу продолжать эвакуацію».

— «Въ такомъ случаѣ я приказываю сдать пятьсотъ тысячъ. У офицеровъ отобрать все, что возможно. Всѣ вышедшія суда будутъ возвращены, обысканы моимъ распоряженіемъ и пока съ нихъ не будетъ снято все, кромѣ собственныхъ вещей, артиллерійскаго имущества и отысканы деньги, ни одно судно не уйдетъ. До тѣхъ поръ, пока я не получу пяти милліоновъ, всѣ министры будутъ арестованы, а также будете арестованы Вы и Начальникъ Штаба».

Давъ исчерпывающія объясненія по всѣмъ остальнымъ пунктамъ сношенія, Генераль Субботинъ на слѣдующій день написалъ Полковнику Труссонъ:

«Имѣю честь просить Васъ не отказать прислать мнѣ письменное приказаніе возвратитъ сумму, полученную мною для уплаты содержанія офицерамъ Русской Арміи за прошлые мѣсяцы и добавокъ, который согласно Русскимъ законамъ долженъ быть уплоченъ въ случаѣ эвакуаціи».

Однако прошу имѣть въ виду, что я подчинился Вашимъ приказаніямъ только въ вопросахъ оперативныхъ, а въ вопросахъ снабженія Генералу Деникину, по приказанію котораго я имѣю честь быть Комендантомъ Севастопольской крѣпости. Взамѣнъ милліона, который былъ розданъ офицерамъ и ихъ семьямъ, находящимся нынѣ въ нуждѣ, безъ гроша и крова и для нуждъ самой эвакуаціи, — крѣпость располагаетъ запасами и матеріалами на нѣсколько сотъ милліоновъ.

Я хочу довести до Вашего свѣдѣнія, что свидѣтельство недостатка довѣрія ко мнѣ, какъ высшему представителю Арміи, можетъ быть истолковано, какъ оскорбленіе чести Русской Арміи, какъ бы ни была она мала здѣсь подъ моимъ командованіемъ».

Въ теченіе двухъ дней отвѣта на это письмо не послѣдовало, несмотря на вторичное письмо Генерала Субботина къ Полковнику Труссону, въ которомъ онъ, разъясняя положеніе офицеровъ и ихъ семей, просилъ, отмѣнить приказъ о возвратѣ денегъ, а также не задерживать эвакуаціи, отчего страдали неповинныя женщины и дѣти, и настаивалъ на разрѣшеніи судамъ выйти въ море съ грузами, потому что для разгрузки ихъ не было рабочихъ рукъ.

Наконецъ 1-го апрѣля было получено сношеніе Полковника Труссона: «Разрѣшаю офицерамъ и служащимъ уѣзжать съ деньгами, которыя они получили. Только деньги, которыя Вы смогли возвратить, будутъ сданы Вами въ банкъ подъ расписку. Во всякомъ случаѣ — законъ, который Вы примѣнили для уплаты содержанія впередъ, можетъ быть, отнесенъ лишь къ людямъ, исполнявшимъ свой долгъ и уѣзжающимъ согласно приказанія. Между тѣмъ — многіе офицеры Добровольческой Арміи получили впередъ содержаніе несмотря на то, что постыдно бѣжали передъ непріателемъ, покинувъ безъ боя товарищей, имущество, раненыхъ и являя передъ всѣми самое гнусное зрѣлище. Я не предполагаю, чтобы законъ могъ быть примѣненъ къ этимъ людямъ и противъ этого то злоупотребленія я и хотѣлъ возстать.

Что сдѣлано, то сдѣлано, пусть покидаютъ Севастополь немедленно, но способъ, примѣненный здѣсь для опустошенія Государственной казны передъ бѣгствомъ, будетъ доведенъ до свѣдѣнія кого слѣдуетъ».

Въ высокой степени наглое разсужденіе Полковника Труссона о бѣжавшихъ Добровольцахъ не отвѣчало дѣйствительности и приведено имъ, повидимому, лишь съ цѣлью оправданія своихъ поступковъ.

Полковнику Труссону докладывалось устно и письменно, что пособія выдавались только офицерамъ, живущимъ въ Севастополѣ и бросавшимъ свое имущество. Если въ періодъ эвакуаціи въ Севастополѣ и скопилось довольно значительное количество офицеровъ, то это были лица, прибывшія изъ различныхъ пунктовъ Крымскаго побережья съ предписаніями отправиться въ Новороссійскъ и, во всякомъ случаѣ, среди нихъ не было позорно бѣжавшихъ съ полей сраженія и бросавшихъ раненыхъ товарищей.

Это были тѣ самыя войска, которыя черезъ 2 мѣсяца, свободныя отъ чужого содѣйствія, въ 2 недѣли очистили Крымъ и лѣвый берегъ Днѣпра!..

Что касается заключительной приписки, то къ Генералу Субботину она тоже не могла имѣть отношенія, такъ какъ деньги были взяты съ вѣдома Полковника Труссона и уѣзжать изъ Севастополя онъ не собирался.

Относясь такъ къ обезпеченію эвакуирующихся русскихъ офицеровъ, французы 14-го апрѣля явились на крейсеръ «Кагуль» и забрали съ собой хранившуюся тамъ часть цѣнностей Государственнаго Банка.

По поводу этого Адмиралъ Саблинъ писалъ Адмиралу Амету:

«Вчера 14-го апрѣля, на крейсеръ «Кагуль», стоявшій подъ Русскимъ военнымъ флагомъ, прибыли французскій офицеръ и матросъ, взяли часть цѣнностей Государственнаго Банка, хранившихся тамъ, и увезли ихъ.

Все это было сдѣлано безъ моего вѣдома.

Цѣнности на крейсеръ «Кагуль» были погружены на законномъ основаніи.

Никакого рода злоупотребленія съ моего вѣдома, не могутъ имѣть мѣста на судахъ и частяхъ флота находящихся подъ моимъ командованіемъ.

Для раскрытія какихъ-либо злоупотребленій я всегда пойду на встрѣчу, происшествіе же имѣвшее мѣсто вчера на крейсерѣ «Кагуль» меня глубоко оскорбило.

Прошу Васъ принять увѣренія въ совершенномъ почтеніи и таковой же преданности. Саблинъ».

Одновременно съ работой по эвакуаціи войсковыхъ частей и учреждений сухопутнаго вѣдомства, происходили подготовительныя работы по эвакуаціи судовъ. Задача эта являлась наиболѣе сложной, такъ какъ весь Севастополь эвакуировался моремъ и отъ правильнаго и планомѣрнаго распредѣленія транспортныхъ и буксирныхъ средствъ зависѣлъ ея успѣхъ.

Французскому Командованію было своевременно сообщено, что собственныхъ буксирныхъ средствъ для эвакуаціи всѣхъ судовъ не хватитъ. Французы опредѣленно обѣщали помощь и съ этой цѣлью почти всѣ суда были выведены на рейдъ.

Однако въ результатѣ Французское Командованіе не только не оказало помощи, но задерживая суда, пыталось отобрать наши послѣдніе буксиры, невзирая на то, что главныя буксирныя средства порта уже находились въ ихъ рукахъ и намъ не давались несмотря на цѣлый рядъ просьбъ.

Съ цѣлью упорядоченія эвакуаціи, Штабомъ Адмирала Саблина былъ разработанъ опредѣленный планъ, но провести его въ жизнь такъ и не удалось. Французское Командованіе, захватывая и распоряжаясь русскими транспортами и буксирами, нарушало всѣ расчеты и вносило путаницу. Своего же плана французы

не дали, а всѣ распоряженія ихъ были внѣ связи одного съ другимъ и нерѣдко приказанія Адмирала Амета не согласовались съ требованіями Полковника Труссона.

Всякое русское судно, уходившее изъ Севастополя, кромѣ предписанія Штаба флота должно было получить пропускъ отъ французской базы, что иногда задерживало его отходъ на двое и даже трое сутокъ (суда «Терець», «Бугъ» и др.).

Все это явилось главной причиной, тормазившей эвакуацію. Въ результатѣ изъ Севастополя ушли лишь суда первой группы, суда второй группы, которыя предполагалось тоже взять на буксиръ, изъ - за недостатка буксирныхъ средствъ, были оставлены въ Севастополѣ.

Что касается эвакуаціи воинскихъ грузовъ, то она происходила еще съ большими треніями. Благодаря инертности французовъ въ охранѣ города, въ Севастополѣ къ концу марта образовался большевистскій «военно-революціонный комитетъ», свободно выпускавшій свои «Извѣстія» и вліявшій на мѣстныхъ рабочихъ, которые отказывались грузить. Кромѣ того, на работавшихъ въ небольшомъ числѣ грузчиковъ происходили частыя нападенія большевиковъ, поэтому требовалась охрана, однако своихъ людей не доставало, такъ какъ они почти всѣ были заняты погрузкой, а французы въ охранѣ отказывали.

Въ результатѣ удалось погрузить лишь немного, главнымъ образомъ, часть огнестрѣльныхъ припасовъ, на погрузкѣ которыхъ въ качествѣ грузчиковъ работали преимущественно офицеры. Всѣ же остальные огромные запасы почти полностью были брошены.

До 30 марта работы по укрѣпленію города производились вяло, сами французы, вѣроятно, не были увѣрены въ томъ, что смогутъ удержаться въ Севастополѣ долго. Съ нетерпѣніемъ ожидалось прибытіе подкрѣпленій. Отъ Генерала Субботина все тщательно скрывалось. Комендантъ крѣпости не зналъ ни обстановки, ни предположеній Полковника Труссона, не зналъ даже точнаго количества войскъ: все держалось въ секретѣ отъ него. Возможно, что положеніе французовъ было дѣйствительно тяжелымъ, у нихъ шель развалъ, но въ то же время не было замѣтно и мѣръ, принимаемыхъ ими противъ этого. Когда Французскому Командованію указывались факты неоспоримой пропаганды, оно выслушивало это съ видимымъ неудовольствіемъ и ихъ отрицало. Русская контръ-развѣдка неоднократно доносила, что нѣкоторые представители Французскаго Командованія сами находились въ оживленныхъ сношеніяхъ съ мѣстными большевистскими элементами. Былъ даже допущенъ приѣздъ большевистской делегаціи изъ Симферополя, которая совѣщалась съ мѣстными большевиками въ Союзѣ-Союзовъ.

При всемъ этомъ, желая, повидимому, скрыть свое безсиліе, или свои некорректные поступки въ отношеніи русскихъ, какъ союзниковъ, Французское Командованіе упорно отказывалось входить въ положеніе Добровольцевъ и, зачастую, отношеніе его къ русскимъ носило характеръ болѣе чѣмъ презрительный. Съ одной стороны французы требовали скорѣйшей эвакуаціи офицеровъ, а съ другой, когда потребовалось назначеніе охраны на транспорты и таковую пришлось организовать изъ русскихъ офицеровъ, то бросались оскорбительныя обвиненія въ томъ, что офицеры хотятъ спастись въ первую очередь.

Вечеромъ 30 марта въ Севастополь прибыли 2 000 алжирцевъ. Настроеніе французовъ измѣнилось. Видно было ихъ опредѣленное рѣшеніе защищать городъ. Суда эскадры получили боевыя задачи, а часть французскихъ моряковъ была высажена на берегъ для несенія гарнизонной службы. 1-го апрѣля начали прибывать транспорты съ сенегальскими войсками.

Въ тотъ же день Адмиралъ Аметъ въ категорической формѣ потребовалъ отъ Главнаго Командира Севастопольскаго порта Адмирала Саблина, немедленно эвакуировать изъ Севастополя всѣхъ офицеровъ Добровольческой Арміи, а также и Штабъ крѣпости. Адмиралъ Саблинъ сообщилъ объ этомъ Генералу Субботину: «Увѣдомляю Ваше Превосходительство, что Адмиралъ Аметъ требуетъ эвакуаціи изъ Севастополя всѣхъ офицеровъ Доброарміи въ кратчайшій срокъ, включая въ то число и офицеровъ Штаба крѣпости.

Для означенной эвакуаціи могу предоставить въ первую очередь пароходъ «Морякъ», могущій поднять 600 человекъ.

Прошу Ваше Превосходительство не отказать увѣдомить меня, когда можетъ быть произведена посадка».

Генералъ Субботинъ не считалъ себя въ правѣ покинуть крѣпость безъ раз-

рѣшенія Главкома Восточнаго Вооруженными Силами Юга Россіи и просилъ Полковника Труссона срочно отправить радиотелеграмму въ Екатеринодаръ Главнокомандующему: «Адмиралъ Аметъ черезъ Адмирала Саблина требуетъ немедленно эвакуаціи изъ Севастополя всѣхъ чиновъ Управленій и Штаба крѣпости, мотивируя тѣмъ, что отсутствіе въ Севастополѣ Добровольцевъ облегчитъ Союзникамъ задержать наступленіе и задержать входъ въ городъ совѣтскихъ войскъ. Много артиллерійскаго и телеграфно-телефоннаго имущества не вывезено. Прошу указаній. Безъ Вашего приказанія выѣхать отказываюсь 1/14 апрѣля № 2891».

Въ тотъ же день, 1-го апрѣля Генералъ Субботинъ получилъ письмо отъ Адмирала Амета: «Отъѣздъ войскъ Добровольческой Арміи дѣлаетъ присутствіе Русскаго Генеральнаго Штаба въ Севастополѣ не нужнымъ и я того мнѣнія, что слѣдуетъ также выслать его въ Керчь или на Кубань. Я нахожу, что было бы лучше, если бы Вы сами направились туда же, Ваше присутствіе въ Севастополѣ дастъ больше неудобствъ чѣмъ выгодъ для сохраненія города и арсенала.

Во имя русскихъ интересовъ, я считаю своимъ долгомъ Васъ просить, какъ бы ни было Вамъ тяжело, предоставить Полковнику Труссону одну заботу о защитѣ этого города и выѣхать на Кубань, на русскомъ или французскомъ пароходѣ, который туда направляется въ скоромъ времени.

Было бы хорошо оставить въ Севастополѣ офицера или служащаго крѣпости вполнѣ въ курсѣ военныхъ учрежденій, ихъ топографическаго положенія, ихъ содержимаго, ихъ запасовъ (казармы, склады и т. д.).

Было бы также необходимо передать Полковнику Труссону экземпляровъ 10 разныхъ картъ, которыя могутъ быть въ Русскомъ Генеральномъ Штабѣ, карты крупнаго масштаба самой крѣпости, карты окрестностей по обводу въ 15 километровъ.

Повѣрьте мнѣ, дорогой Генералъ, что я очень сочувствую Вашей горести въ эту минуту. Я шлю самыя горячія пожеланія для возрожденія Вашей прекрасной Родины. Будьте увѣрены, что приложу для этого всѣ свои усилія. Вашъ искренно преданный Аметъ.

P. S. Чтобы оправдать Васъ передъ Командующимъ Добровольческой Арміей, я Вамъ пошлю официальное письмо, въ которомъ буду просить Васъ покинуть Севастополь со всѣми Добровольцами».

2-го апрѣля Генералъ Субботинъ получилъ извѣщеніе отъ Полковника Труссона: «Честь имѣю увѣдомить Васъ, что за перерывомъ беспроволочнаго телеграфа между Севастополемъ и Екатеринодаромъ, я не могу сегодня же передать Ваше донесеніе за № 2891.

Что касается разрѣшенія, которое Вы просите объ отъѣздѣ Вашемъ изъ крѣпости, я не вижу препятствій, съ тѣмъ условіемъ, все-же, что въ Севастополѣ останется чиновникъ вполнѣ знакомый съ крѣпостью, всѣми военными постройками, ихъ содержаніемъ и ихъ примѣненіемъ».

Въ 5 часовъ дня 2 апрѣля началось наступленіе большевиковъ силою около двухъ баталіоновъ на сѣверную сторону и на Инкерманскій водопроводъ. Французы открыли сильный артиллерійскій, ружейный и пулеметный огонь.

Греческій караулъ, занимавшій водопроводъ, былъ окруженъ большевиками и при помощи подоспѣвшихъ подкрѣпленій съ большими потерями едва смогъ пробиться въ городъ. Къ ночи Инкерманъ былъ взятъ и городъ остался безъ воды.

Съ наступленіемъ темноты на рейдѣ началась перестрѣлка. Адмиралъ Саблинъ тотчасъ же командировалъ на Французскій линейный корабль Жанъ Баръ къ Начальнику Штаба Командующаго Французскимъ флотомъ своего офицера съ приказаніемъ ориентироваться въ создавшемся положеніи. Начальникъ Штаба устно сообщилъ слѣдующее:

«Передайте Адмиралу, что происшедшій сейчасъ обстрѣлъ Сѣвернаго рейда въ части, прилегающей къ Черной рѣчкѣ и радиостанціи, произведенъ по ошибкѣ французской артиллеріей, а не большевиками, но большевики находятся вблизи Севастополя, главнымъ образомъ въ районѣ Инкермана. Произведенной нами воздушной развѣдкой выяснено, что силы ихъ, повидимому, незначительны. Что касается распоряженій по городу и флоту, то мною отданъ приказъ войскамъ и флоту быть въ боевой готовности. Генералу Субботину мною предложено немедленно оставить городъ и вывести изъ него русскія войска. Парходамъ съ бѣженцами совѣтую покинуть Севастополь возможно скорѣе. Склады боевыхъ припасовъ и портовые магазины я постараюсь сберечь по мѣрѣ возможности, но воз-

можно ли это будетъ сдѣлать, сейчасъ сказать не могу, т. к. они мною еще не осмотрѣны. Что касается русскихъ военныхъ судовъ, то Адмиралъ можетъ распорядиться ими по своему усмотрѣнiю, и уйти съ рейда когда пожелаетъ, я здѣсь никого не задерживаю. Про себя могу сказать, что я могу твердо держаться на рейдѣ пока того желаю, но не могу того же сказать про городъ. Сейчасъ я только что получилъ отъ большевиковъ просьбу принять ихъ делегацію для переговоровъ. При переговорахъ постараюсь сдѣлать все возможное, чтобы избавить городъ отъ боя въ его предѣлахъ и спасти городъ отъ бомбардировки.

Около 2 часовъ ночи Адмиралу Саблину было передано требованiе Адмирала Амета о немедленномъ выходѣ всѣхъ судовъ въ море.

«Въ интересахъ сохранности арсенала, которую я вполне надѣюсь обезпечить, я Васъ прошу приказать «Кагулу» и остальнымъ кораблямъ, которые Вы хотите увезти отсюда, сняться въ теченiе текущей ночи и ближайшаго утра. Это равносильно тому, что и лично Вы вмѣстѣ съ морскими офицерами, за исключенiемъ командира порта и тѣхъ офицеровъ, безъ которыхъ нельзя обойтись въ дѣлѣ помощи намъ по сбереженiю портовыхъ учреждений, — уйдете отсюда.

Прошу Васъ сообщить списокъ остающихся офицеровъ, чтобы я могъ снабдить ихъ охранными свидѣтельствами, взявъ ихъ подъ свою защиту.

Я считаю также условленнымъ, что тральщики останутся здѣсь, чтобы очистить минныя поля, вмѣстѣ съ авиаторами, которые имъ помогутъ.

Выражая свое искреннее сожалѣнiе, что мнѣ приходится писать Вамъ по этому поводу и присоединяя свои самыя горячiя пожеланiя о возсозданiи Русскаго Флота, я прошу Васъ, Дорогой Адмиралъ, принять увѣренiя въ искренней преданности. Аметъ».

Въ отвѣтъ на это Адмиралъ Саблинъ сообщилъ:

«Я никакъ не предполагалъ, что съ момента появленiя большевиковъ въ окрестностяхъ Севастополя и до входа ихъ въ Севастополь пройдетъ такъ мало времени. Я полагалъ, что получу предупрежденiе объ уходѣ заблаговременно. Меня ставитъ въ очень затруднительное положенiе еще то, что предупрежденiе пришло вечеромъ и я теряю время съ 8 часовъ вечера до 4 часовъ утра для сбора офицеровъ, которые были при исполненiи своихъ служебныхъ обязанностей на берегу, ибо передвиженiе въ городъ ночью воспрещено.

Оставляю Вамъ тральщики и гидроавиацию и полагаю, послѣ минованiя въ нихъ надобности, Вы ихъ вышлете ко мнѣ въ Новороссiйскъ.

Командиру порта капитану 1 ранга Никонову я приказалъ оставаться; что же касается офицеровъ для связи, то я ихъ теперь ночью не въ состоянiи отыскать. Прошу принять всѣхъ оставшихся офицеровъ подъ свое покровительство.

Примите увѣренiе въ моемъ уваженiи и преданности М. Саблинъ».

Русскiй офицеръ, отвозившiй это письмо Адмиралу Амету, возвратившись съ линейнаго корабля Жанъ Баръ, донесъ Адмиралу Саблину:

«Доношу Вашему Превосходительству, что пока я ожидалъ на французскомъ кораблѣ Жанъ Баръ отвѣта на Ваше письмо, переданное мною по приказанiю Вашему Адмиралу Амету, къ дежурному офицеру вошелъ сигнальщикъ съ вахты, доложилъ, что выходитъ въ море русскiй миноносецъ на буксирѣ и получилъ отъ дежурнаго офицера приказанiе послать катеръ, чтобы задержать буксиръ, а миноносецъ выпустить или поставить на бочку, если онъ не можетъ идти самостоятельно. Объ изложенномъ считаю долгомъ донести Вашему Превосходительству, опасаясь, что такого рода распоряженiе Французскаго Командованiя могутъ сдѣлать эвакуацию нашихъ кораблей фактически невозможной».

Немногiя русскiя суда, способныя къ самостоятельному ходу, и небольшая часть судовъ располагавшая остатками буксирныхъ средствъ — вышли въ море. Всѣ же остальные суда, благодаря захвату французами нашихъ буксировъ, остались въ Севастополѣ.

Генералъ Субботинъ рѣшилъ, что дальнѣйшее его пребыванiе въ Севастополѣ безцѣльно и приказалъ передать, что Штабъ крѣпости начнетъ грузиться въ 5 часа утра 3-го апрѣля. Утромъ и днемъ 3 апрѣля было тихо. Около 3-хъ часовъ дня пароходъ «Георгiй» со Штабомъ крѣпости вышелъ въ море, взявъ курсъ на Новороссiйскъ. Когда «Георгiй» былъ на высотѣ Балаклавы, несмотря на встрѣчный вѣтеръ, со стороны Севастополя доносился гулъ канонады...

Вскорѣ стало извѣстно, что союзныя войска въ Севастополѣ, заключили съ большевиками перемирие, а затѣмъ и совсѣмъ покинули городъ.